

Евгения Ник

ЧУДО
Stoë *сломанное*
ВИЩЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгения Ник

Твоё сломанное чудовище

<https://litres.ru/74009863>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Тебе кто-нибудь говорил, какая у тебя шелковистая кожа? – рокошет он.

Не говорили. Но ему я этого не скажу.

– Молчишь? – проводит пальцем по тому месту, где только что были его губы. – И правильно. Слова здесь лишние. Они только портят чистоту момента.

Чистота? Да как он вообще может говорить об этом после всего? – мысль вспыхивает, как ожог, выжигая весь шок и оцепенение.

Он – не часть того пекла. Нет. Он тот, кто его УСТРОИЛ. В том доме. Там где всё ещё находится моя подруга. Живая ли? Не знаю, ведь это чудовище забрал меня, как свою личную вещь.

Я сбежала от него, думая, что это навсегда. Но ошиблась.

Свобода оказалась временной. И я сама прямиком пришла в его мир. Теперь мы учимся в одном университете. Для всех он – блестящий студент и сын ректора. Для меня – тот, кто считает меня своей собственностью. И он не скрывает, что хочет забрать меня снова. На этот раз – окончательно.

Предупреждаю:
нецензурная лексика/неоднозначные/неидеальные герои/
серая мораль/триггерные моменты

Содержание

Глава	6
В тексте присутствует: ненормативная лексика (матерные, бранные слова), откровенные сексуальные сцены, эпизоды психологического и физического насилия, сцены курения и распития алкоголя (автор крайне осуждает и не поощряет подобный образ жизни). Книга не имеет намерений оскорбить или задеть чьи-либо чувства, взгляды или убеждения. Все события, места, персонажи и диалоги являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми или ситуациями случайны. Произведение предназначено исключительно для развлекательного чтения.	7
Пролог	9
Кто ты, Зайка?	17
Кто ты, Сортировщик?	18
1. Осколок первый. Зайка	20
2. Фрагмент первый. Сортировщик	30
3. Фрагмент второй. Сортировщик	39
4. Фрагмент третий. Сортировщик	46
5. Фрагмент четвертый. Сортировщик	52
6. Фрагмент пятый. Сортировщик	62

7. Фрагмент шестой. Сортировщик	68
8. Осколок второй. Зайка	75
9. Осколок третий. Зайка	83
10. Осколок четвертый. Зайка	93
11. Осколок пятый. Зайка	99
12. Фрагмент седьмой. Сортировщик	106
13. Фрагмент восьмой. Сортировщик	113
14. Фрагмент девятый. Сортировщик	121
15. Осколок шестой. Зайка	133
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Евгения Ник

Твоё сломанное чудовище

Глава

***Внимание!** Данная книга предназначена исключительно для лиц старше 18 лет.*

В тексте присутствует:

ненормативная лексика (матерные, бранные слова), откровенные сексуальные сцены, эпизоды психологического и физического насилия, сцены курения и распития алкоголя (автор крайне осуждает и не поощряет подобный образ жизни). Книга не имеет намерений оскорбить или задеть чьи-либо чувства, взгляды или убеждения. Все события, места, персонажи и диалоги являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми или ситуациями случайны. Произведение

*Иногда нужно посмотреть вниз, чтобы увидеть, как
в осколках стекла отражаются звёзды*

Пролог

*“Все люди - это мусор:
пластик, стекло и бумага.”*

Аким Костомаров

Медленно подхожу к дивану, наблюдая за ним, как травоядный зверёк за хищником, что бродит опасно близко. А вот он на меня не смотрит. Его голова повёрнута в сторону, взгляд устремлён куда-то вдаль. На город. Ушёл в свои мысли. Даже не шевелится какое-то время, а потом поднимает руку с зажатой между пальцами сигаретой, подносит её к губам и делает затяжку. В этот момент его вторая рука машинально вздрагивает и прижимается к левой стороне груди, чуть ниже подмышки. Поглаживает, надавливает. Он немного наклоняется вперёд.

Рёбра.

Ещё там, на паркинге, когда он поставил меня на бетон, я заметила эту же деталь. Его лицо дрогнуло. Он стиснул зубы и свёл к переносице брови, словно от приступа физической боли. И сейчас моё наблюдение становится маленькой искоркой надежды. Как что-то, чем я могу воспользоваться в подходящий момент, чтобы вырваться отсюда.

Он докуривает. Берёт с небольшого выступа в стене пив-

ную банку и бросает в неё окурок, после чего возвращается. И как только переступает порог, смотрит на меня. Глаза – пустые, ещё секунду назад, слегка загораются. Но не любопытством ко мне, а собственническим интересом. Ну и что ему надо от меня?

– За мной, – бросает, на ходу цепляя меня за руку, и утягивает за собой.

Кухня в этой квартире такая же мёртвая, как и комната, в которой я была до этого. Глянцевые фасады, холодный металл. Ни запаха еды, ни пятен. Как выставочный образец в мебельном магазине. Сомневаюсь, что тут кто-то живёт.

Он наливает в стакан воды из встроенного фильтра, подходит и толкает мне в руку со словами:

– Выпей. На тебе лица нет. Не хочу, чтобы ты снова вырубилась.

И сразу отходит.

Ох, ну какая забота. Просто прекрати этот цирк и убей уже... Или отпусти.

Первый вариант мне не нравится, потому что я хочу жить. А значит, мне просто нужно вырваться на свободу. Именно поэтому покорно подношу стакан к губам. Рука дрожит. Чёрт. Почему я такая, слабая? Делаю первый глоток. Вода ледяная, и неприятно стекает в желудок, из-за чего вздрагиваю теперь уже всем телом, покрываясь противными мурашками.

Этот псих стоит напротив, прислонившись к столешнице,

и смотрит. Даже не так – он изучает. Потом отталкивается и делает шаг ко мне.

– Мне нужно сбросить напряжение, – продавливая приказным тоном. – И ты мне поможешь.

Замираю.

Не потому, что не понимаю смысла его слов, как раз наоборот. Слишком хорошо понимаю. Просто беру паузу, словно если не сдвинусь, реальность передумает и откатится назад и я окажусь дома. Тоже в жутком адочке, но хотя бы привычном, понятном и знакомом.

– Я... – голос срывается, и я тут же сжимаю пальцы на стекле, заставляя себя вдохнуть глубже. – Я не могу...

Он заносит ногу для следующего шага, но останавливается. Удивлённо смотрит, вскинув брови. И от этого кажется, что видит меня подопытной мышью, которая вдруг заговорила.

– Почему не можешь?

– Потому что... – слова застревают, и мне приходится буквально проталкивать их наружу. Сглатываю, чувствуя, как горло сжимается. Делаю последний глоток и ставлю стакан на стол. – Потому что я никогда...

Он чуть склоняет голову, словно уловил сбой в ритме жертвы. Не торопит. И от этого становится только хуже.

– Никогда что? – спокойно, почти лениво.

Закрываю глаза. Всего на секунду. А потом решаюсь. Если уж падать, то сразу в пропасть.

– Я девственница.

Слова вылетают, и мне тут же хочется их схватить и загнать обратно. Не просто упала, а точно грохнулась с высоты. Зажмуриваюсь. Жду. А когда пауза затягивается, медленно открываю глаза. Он всё ещё смотрит на меня. Но теперь так, словно полностью переоценивает.

– Серьёзно?

Киваю. Один раз. И коротко.

Он сокращает между нами оставшееся расстояние. Обхватывает ладонью мой подбородок, касаясь большим пальцем губ. Сминает их, отодвигает нижнюю, оголяя зубы. Вижу, как его взгляд мечется от моих глаз, к ссадине на скуле, потом ко рту.

– Ты понимаешь, – говорит он тише, – Что это ничего не меняет?

– Меняет, – отвечаю дрожащим голосом, цепляясь пальцами за столешницу позади меня. – Хотя бы то, что я сказала тебе правду.

– Думаешь, что девственность делает тебя ценнее?

И не дожидаясь ответа, впивается пальцами в ткань моего платья у шеи. Резкий рывок – по кухне эхом разносится звук рвущихся швов. Прохладный воздух касается обнажённой кожи. Но её тут же обдаёт жаром, когда он склоняет голову и касается губами моей ключицы. Одной... Второй... Цепляет зубами лямку бюстгальтера, ведёт головой в сторону и выпускает её. Не меняя положения, поднимает на меня

взгляд, затем находит пальцами за моей спиной маленькие крючки. Щелчок. Первый крючок... Не шевелюсь. Даже дыхание задерживаю. От шока. Оттого что он так легко и бесцеремонно это сделал. А я позволила.

Ребро! Его левое ребро. Дистанция – минимум.

Он смещает пальцы чуть ниже, ко второму крючку. Одно лёгкое движение и снимет бельё, открыв меня ещё больше.

– Тебе кто-нибудь говорил, какая у тебя шелковистая кожа? – рокошет он и скользит губами вниз, к ложбинке между грудями, оставляя после себя влажный след.

Не говорили. Но ему я этого не скажу.

– Молчишь? – проводит пальцем по тому месту, где только что были его губы. – И правильно. Слова здесь лишние. Они только портят... чистоту момента.

“Чистота? Да как он вообще может говорить об этом после всего?..” – мысль вспыхивает, как ожог, выжигая весь шок и оцепенение.

Он – не часть того пекла. Нет. Он тот, кто его УСТРОИЛ. В том доме. Там... где всё ещё находится моя подруга. Живая ли? Не знаю, ведь это чудовище забрал меня, как свою личную вещь.

Думай. Думай. Борись!

Чуть веду плечом. Сама наклоняюсь и, обхватывая его лицо руками, впиваюсь в губы. Горячие, упругие, влажные. От неожиданности он тут же издаёт хриплый рык и стискивает меня в своих руках. Врывается в рот глубже, но я ни кап-

ли ему не уступаю. Скольжу языком по его, переплетаюсь с ним, ускользаю обратно. Наш поцелуй настолько остервененный, что воздуха не хватает, дыхание сбивается, а в груди разрастается огненный комок. Он прижимает меня к краю стола, наваливается телом на моё, лишая пространства для манёвра.

Манёвра?

Ребро! Его левое ребро!

Смещаю руки вниз, сжимаю пальцами его футболку. А потом... Тяну её вверх.

– Девственница, да? – бросает с усмешкой и сам стягивает с себя футболку. – Я почти поверил.

Его глаза, затуманенные похотью, блуждают по моему телу.

– Я не врала, – шуршу голосом. И это правда.

– Ты забыла одну деталь, Зайка. Маленький фрагмент, – тянет нараспев. – С той тусовки я забрал тебя прямо из спальни. Напомнить, с кем ты там была? – оскаливается на одну сторону.

Ребро. Сейчас.

Он укладывает руку на мою талию, плавно скользит вверх, наклоняется для поцелуя...

И в этот момент я, не думая, а действуя на инстинктах – сгибаю ногу, рву колено вверх и бью в эпицентр его боли. И, кажется, слышу хруст. Или это остатки моего разума сломались?

Психопат сгибается пополам, из его рта вырывается рваный стон, а глаза широко распахиваются, когда он пытается хватать глотки воздуха. Я тут же отталкиваю его от себя, в панике подскакиваю к шкафчикам и начинаю открывать всё подряд. Дёргаю на себя ручку первого шкафа – посуда. Второго – ножи. Хватаю первое, что блестит. Разворачиваюсь и в два прыжка настигаю его, всё ещё согнутого пополам.

Встаю за его спиной, прижимая лезвие к плоти.

– Дверь, – рычу, словно чужим голосом. – Быстро открой мне дверь.

Он молчит, и тогда я смещаюсь немного в сторону, чтобы видеть его лицо. А там... боль в его глазах сменяется на дикую... восхищённость.

– Ну, – прижимаю металл чуть сильнее.

Уголок его рта дёргается.

– Мне нравится, – отвечает, почти не двигая губами, чтобы лезвие его не травмировало. – Нравится, как ты борешься. Даже не за жизнь. Она у тебя и так помойка, это я увидел сразу. За свободу. И это куда интереснее.

Да он болен!

– Дверь! И верни мой телефон! – срываюсь до болезненной хрипоты в горле и вдруг чувствую, как по моей руке течёт что-то тёплое, а потом с едва различимым звуком ударяется об пол.

Он медленно опускает взгляд, смотрит на алую каплю. И я тоже. Переводит внимание на меня, после чего медленно,

тянется рукой в карман джинсов и достаёт телефон.

Несколько движений пальцами по экрану и где-то в прихожей раздаётся механический звук замка.

– Что дальше, Зайка? – спрашивает мягким голосом, пропитанным предвкушением. – Ты ведь понимаешь, что произойдёт в следующие пять секунд? М? – улыбается. – Как только ты повернёшься ко мне спиной, чтобы сбежать... Я убью тебя.

Привет, мои хорошие плохиши

эта история содержит триггеры.

Она – о токсичных отношениях, морально серых персонажах и запретных желаниях. Светлых рыцарей здесь не ждем.

Я вас предупредила

Добро пожаловать по ту сторону

Ваша Евгения Ник

Кто ты, Зайка?

Ильма Данииловна Серафимова (Зайка)

дата рождения 12.02.2006г. – 19 лет. По гороскопу –

Водолей.

Любит умом и глазами, но когда открывается полностью – сжигает.

Её привязанности – редки, но абсолютны.

Учится 2 курсе, на факультете: Управление IT-продуктами и командами (Product Manager).

Связанные лица:

Елена Викторовна Будакова – мать Ильмы. **Место работы:** Для всех – Бухгалтер сети СТО.

Вадим Михайлович Будаков – отчим Ильмы. **Место работы:** Для всех – владелец сети СТО.

Даниил Романович Серафимов – отец Ильмы.

Кто ты, Сортировщик?

Аким Ильич Костомаров (Сортировщик)

(по матери была фамилия Багро).

дата рождения 27.04.2005г. – 20 лет, по гороскопу

Телец.

Привязывается не словами, а правом собственности.

Если выбрал – не отпускает.

Любит телом, защищает насмерть, мстит хладнокровно.

Работа: Сортировщик – создаёт ситуации, наблюдает, корректирует работу сотрудников “Фермы”.

Учится на 2 курсе, факультет информационной безопасности

Специалист по кибербезопасности – защита систем, поиск уязвимостей

Связанные лица:

Приемный отец: Илья Михайлович Костомаров (Ректор) - 44 года.

Работа: Ректор в университете; **владелец** черного бизнеса (“Ферма” телефонных мошенников).

Брат (не родной, братья по приемному отцу): Дорофей Ильич Костомаров - 19 лет.

Работа: Куратор (на “Ферме”).

Студент 2 курса. Факультет: **Управление IT-продукта-**

ми и командами (Product Manager).

1. Осколок первый. Зайка

– Анфис, я могу... Приехать к тебе? – говорю, глотая непрошенные слёзы. – Если останусь дома... мне кажется, сойду с ума.

– Конечно. Только... Завтра я рано уеду, – с запинкой отвечает подруга. – Кстати! – вспыхивает её голос энтузиазмом, но тут же гаснет. – А, ладно, потом поговорим.

– Ладно. Я минут через тридцать приеду.

– Окей, жду тебя роднулик.

– Покед, – говорю с улыбкой и сбрасываю вызов.

Рука с зажатым в ней телефоном плетью повисает вдоль тела. Осматриваю свою комнату, как обычно, с одним и тем же чувством – я застряла в аквариуме. Он защищает меня, но за тонкими стенками плавают акулы. Одна трещинка в тонком стекле и моя защита рассыпется. Итог один – я окажусь съедена.

Собираюсь на автомате. Джинсы и чёрный свитер, который скрывает всё. Заталкиваю в рюкзак ещё кое-что из вещей, так, на всякий случай. И выхожу в коридор. По пути в прихожую, взгляд цепляется за гостиную. Мама стоит у окна ко мне спиной. Задумалась о чём-то.

– Мам, я к Анфисе. Останусь с ночёвкой.

Она кивает не глядя. Не спрашивает, когда я вернусь.

– Ты обиделась? – тихо говорю, делая шаг в комнату. –

Я... не хотела тебя задеть.

– Но ты это сделала, Ильма, – она резко оборачивается через плечо. – Я не понимаю, почему ты так относишься к Вадиму. Он старается ради нас. Не претендует на место твоего отца, но он на своём месте. Когда ты уже успокоишься и поймешь, что отца нет?! И Вадик тут не при чем!

Я стою, сжимая лямку рюкзака так, что она болезненно давит мне на ладонь. Собираюсь ответить, что он не на своём месте, что он конченная мразь, распускающая руки направо и налево, но понимаю, что это лишь для меня. В моей субъективной реальности. А в её... Всё совершенно иначе. Она его любит, и этим все сказано.

– Я ушла, мам, – роняю и разворачиваясь, выхожу в коридор.

Спускаюсь по лестнице. Слушая собственные шаги, что отдаются эхом от стен. Воздух привычно пахнет затхлостью и пылью. И даже лампочка на первом этаже мигает, как всегда. И вдруг гаснет. Подъезд мгновенно погружается в темноту. Замираю, вцепившись в холодные перила. Мне не страшно. Просто... как-то не по себе.

Достаю из кармана куртки свой смарт, подсвечиваю им ступеньки, продолжая двигаться к двери. Толкаю её. Снег, словно мелкими осколками до лёгкой боли врезается в кожу. Поднимаю руку, делая ладонь козырьком, чтобы укрыть лицо.

Такси замечаю сразу. Стоит у соседнего подъезда, ближе

к выезду со двора. Быстрым шагом сокращаю расстояние. Тяну на себя ручку и падаю на заднее пассажирское сиденье.

– Добрый вечер.

– Добрый, – весело отвечает мужчина с седой бородой. –

На Суворова тридцать семь?

– Да, – киваю и прячу нос в ворот куртки.

В салоне тепло. Даже слишком. Из-за этого запах дезодоранта и мужского пота неприятно бьёт по ноздрям. Появляется желание, попросить приоткрыть окно. Но... на улице ноябрь. *Просто потерпи, до дома Анфисы, каких-то десять минут езды.* Плюсы маленького городка. Здесь все очень близко.

Девятиэтажка моей Фисы – серая, обшарпанная, над несколькими окнами тянутся чёрные разводы. Следы старого пожара. Поднимаю взгляд выше. В окне на седьмом этаже – тёплый свет и стоит хрупкая девушка – моя лучшая подруга. Поднимаю руку в приветственном жесте. Она тут же тянется рукой к створке, а после открывает её.

– Иль! Привет! – кричит на всю улицу. – Шестьдесят третья!

Помню. И даже номер её домашнего телефона, до сих пор сохранён в памяти. При том, что такими аппаратами уже давно никто не пользуется.

– Привет! – кричу в ответ и посмеиваюсь. Прямо как в детстве, когда мы жили в соседнем доме и вот также, каждый день бегали друг к другу. Фиса тогда еще жила с бабуш-

кой. Но этим летом Валентины Сергеевны не стало – возраст, сердце...

Набираю нужную квартиру на домофоне, спустя несколько секунд, раздаётся характерный звук, и я тяну на себя дверь. Мне везёт – лифт оказывается на первом этаже. Быстро юркаю в него, нажимаю кнопку и на всякий случай толкаю руку в карман, крепче обхватывая ключи. Зачем? Не знаю. Странная привычка с детства, быть всегда готовой к худшему. Мало ли, а вдруг маньяк-извращенец нападет.

– Ильма, сучечка ты моя! – влетает подруга в лифт, как только его двери раздвигаются. Обнимает, а затем тянет за локоть в сторону квартиры. – Выглядишь отпад. Колись, что сделала с собой?

Пожимаю плечами. Вроде бы ничего. Обычная я.

– На йогу стала ходить.

– Воу, рил? В нашем-то захолустье? Ты где такое откопала?

– Не знаю, просто реклама попалась в местном пабlike, и я решила сходить, – тяну плечо вверх.

Она закрывает за нами дверь. Сама снимает с меня куртку, а потом крутит, осматривая с ног до головы.

– Месяца два тебя не видела, а будто два года. А еще близкими подругами называемся, да? Позорище! Иль, ты лютая соска.

– От соски слышу, – посмеиваюсь, толкая её в плечо. – А вот ты реально признавайся, что сделала с собой? – прищу-

риваю глаза. – Губы? Вижу ведь.

– М-м-м... Да! – довольно кивает в ответ. – И как? Со-самбочные? – выпячивает их вперёд.

– Да, очень. И... да ладно, родинка?! Вот тут, – тычу себе в уголок подборока. – Не было же?

– Ага, не было. Но скажи, сексуальное место?

– Определенно, – давлю улыбку, продолжая ее разглядывать в поисках, еще каких-то изменений.

Анфиса – моя зеленоглазая красотка. Волосы пшеничного оттенка собраны в небрежный пучок, но такой, какой обычно делают в салоне. Глаза слегка подведены, тушь делает взгляд глубже. Тонкий нос с небольшой горбинкой придает лицу особую остроту, а полные губы... теперь их невозможно не заметить.

Проходим в её комнату, я тут же ставлю рюкзак на пол, достаю домашнюю пижаму и переодеваюсь. Замечаю, что комната подруги немного изменилась. Появилась круглая лампа – такую обычно используют блогеры и стримеры. Да и в целом...

– Ты ремонт сделала?

– Ага, клёво? – улыбается она, подходит к столу и закрывает крышку ноутбука, после чего отодвигает его в самый угол.

– Стильненько, – соглашаюсь с ней. – Особенно синяя подсветка по потолку.

– Ой, не говори, я вообще с неё кайфую.

Анфиса подходит к кровати, забирается на неё с ногами и обнимает подушку, утыкаясь в неё подбородком. Похлопывает ладонью рядом с собой.

Плюхаюсь рядом, прислоняюсь спиной к прохладной стене и беру вторую подушку. Молчу, не зная с чего начать.

– Рассказывай, – говорит, не выдерживая и пяти секунд. – Опять Вадюша?

Киваю, поджимая пальцы на ногах. Не вижу смысла что-то скрывать. Анфиса всё равно попытается, поэтому рассказываю. Голос хриплый, срывается, но я выдаю всё. Про переезд. Про продажу СТО. Про... домогательства отчима.

Фиса слушает не перебивая. Её лицо становится суровее. Раз в несколько минут она с силой сжимает подушку, впинаясь в неё ногтями так, словно хочет порвать на клочки. А когда я, наконец, замолкаю, она поворачивает лицо и долго смотрит в мои глаза.

– Я бы посоветовала тебе заявить на ублюдка, но ты ведь ни за что не согласишься. Так? Потому что твоя мать возненавидит тебя.

– И какой повод для заявы? Надо мной просто посмеются. По факту: он ничего не сделал.

– Тоже верно. Только поправочка – он сделал и много чего. Как минимум, за столько лет, он конкретно так сломал твою психику... Просто за это никто его не загребёт. Нет тела – нет дела, как говорится, – бормочет словно сама себе. – Ч-черт бы его побрал.

Сидим молчим, до тех пор пока Фиса не подскакивает на месте.

– Запиши на диктофон то, как он к тебе пристаёт. Он ведь не молчит? Что-то же говорит? Не знаю... мерзости всякие, пыхтит и все это... бр-р-р...

– Думаешь, я не пробовала? – выставляю руку, готовясь загибать пальцы. – Первое – чаще всего он делает это внезапно. Второе – если что-то подозревает, то проверяет мой телефон. Третье – мои телефоны неоднократно уже разбивались о стену, а мама само собой думала, что это я сделала. И каждый раз грозилась отвести меня к психологу из-за моих проблем управления гневом.

– И много смартиков отправилось на тот свет? – тоскливо спрашивает она.

– Четыре.

И снова повисает пауза. Слышен только звук работающего фильтра в аквариуме, который стоит на тумбе.

– Фис, я... хочу переспать с кем-то, – говорю еле слышно.

Она моргает. Раз. Два. А потом её глаза округляются, как у совы.

– В смысле переспать? Просто так? Трах без... отношений? Ты?

Отворачиваюсь, разглядываю рисунок на её покрывале. Стебель розы, шипы... осыпающийся бутон. Меня напоминает.

– Да. Мне... – глотаю комок, что всё это время сидел в

горле. – Я просто не хочу, чтобы это сделал он. Мне кажется, урод... в этот раз не шутил, не пугал меня, а просто поставил в известность. Поэтому, даже если доберётся – пусть познакомится с птицей Обломинго. Он не должен стать моим первым. Врубаешься ты или нет? Я не преживу этого...

Анфиса, вытягивается натянутой струной, её лицо искажает гримаса отвращения, а потом... медленно выдыхает, сдуваясь, как воздушный шарик. Отбрасывает подушку в сторону, поворачивается, откидывается на спину и залипает в потолок.

– Боже, Иль... это... – проводит рукой по лицу. – Фак. Почему ты не сбежишь из этого ада? Почему, Иль?

– Не знаю... Из-за мамы наверное.

Она задумывается. Надолго. А спустя минут пять говорит:

– Знаешь, может, и не такая уж дикая идея.

Поворачивается ко мне, смотрит без осуждения.

– Не знаю, какой придурок возвёл первый раз во что-то особенное. Нет в нём никакой магии. Одна нервотрёпка, неловкость, боль и разочарование. Так какая, на хер, разница, кто будет первым? По факту – никакой.

– Да, – выдыхаю с облегчением. Такое ощущение, что гора с плеч упала. По правде говоря, я ожидала, что Фиса начнёт отговаривать.

– Моим первым был Саня, – выдавливаю из себя металлическим голосом. – Панько Сашку, помнишь? А как я по нему сохла? Стихи писала, сопли до пола пускала... Позорище. А

в итоге что? Добилась, да. Но лучше бы, этого не произошло. Он был со мной грубым утырком. Завалился как боров и думал лишь об удовлетворении своих потребностей. Плевать он хотел на то, что я была... Чистой. А после посмотрел на меня, как на бракованный товар, и сказал, что “между нами ничего нет и не будет”. Потому что я, видите ли, неопытна, а учить меня – не в его планах, – она усмехается, коротко и беззвучно. Горько. – Знаешь, что было потом?

– Ты мне не рассказывала, – тихо шурчу голосом, ощущая небольшой укол обиды, что она так долго не открывалась мне.

– Да потому что ты... Это ты. Ангелочек Иль. А я считала себя испорченной. Боялась, что отвернёшься от меня.

– Дурочка... И я ни разу не ангелочек.

Знала бы она, какие порой мысли крутятся в моей голове – была бы в шоке.

– Ага, Иль, дура и есть, – улыбается Анфиса. – Я тогда так психанула, что через неделю переспала с двумя. Случайными. Один был красавчик-скромняжка. Другой – самоуверенный козёл, но хотя бы честный в своих намерениях. И знаешь что? Оба – в сто раз лучше того ушлёпка, которого я “любила”. Может, оттого, что у меня уже не было никаких иллюзий. Только тело и физика. А физика – она не ранит. Ранят злоеб... Ожидания, которые не оправдываются.

Замолкает, позволяя мне впитать всё, что она сказала.

Смотрю на свои руки, подрагивающие пальцы, по кото-

рым бегают иголки электричества. Сжимаю их в кулаки, переводя на подругу взгляд.

– И как... – голос становится сиплым. – Как его найти? Такого... случайного. Не из нашего круга знакомых.

– Я завтра еду в миллионник на закрытую тусовку.

Делает паузу, ловя мой взгляд.

– Твои друзья? – хмурю брови. Мы в последнее время не так часто общались, и я могу не знать её новых знакомых.

– Не совсем, – мотает головой. – Я недавно устроилась на новую работу, но пока не буду афишировать её, чтобы не сглазить – всё ещё стажируюсь. Фирма закрытая, сотрудников отбирают только по рекомендациям. Серьёзные люди, строгие правила, огромные бабки. Короче – полный фарш. Так вот, я там познакомилась с одним парнем, и у нас... вроде как отношения завязываются. И завтра он собирает тусовку. Уверена, там ты точно найдёшь себе парня для... “того самого”.

Подвисаю в своих мыслях, сомнениях и страхах. Анфиса, в нетерпении крутится, потом и вовсе встаёт с кровати и нарезает пару кругов.

– Иль, ладно согласна, моя идея – кринж... Забудь.

Поднимаю на нее взгляд и резко выбрасываю:

– Я поеду.

2. Фрагмент первый. Сортировщик

Виски в бокале с приятным шорохом скользит по барной стойке. Тихий хлопок – и он в моей ладони. Прохладное, влажное стекло приятно ощущается в руке. Делаю глоток. Ненадолго прикрыв глаза. Почти хорошо. Почти спокойно. Ровно до того момента, пока я не открываю веки.

Мой телефон вибрирует. Перевожу на него внимание и вижу на экране имя, которое я два дня назад мысленно перечеркнул жирным красным крестом. Иван Лубский. Блять, ну серьёзно? Эта пиздоблядина звонит мне? Отдам должное – звонит через мессенджер. Правильно. Боится, что обычный звонок быстро выведет на него. Очко жмётся – и не зря.

Нажимаю на зелёный значок. Молчу. Пусть первым твякает.

– Аким, – он пытается звучать твёрдо, но слышно, как сглатывает слюну. Идиот. – Поговорить надо. Срочно.

Смотрю на свой бокал. На медленно тающий лёд в янтарной жидкости. Этот долбоящер даже не подозревает, что и его минуты сейчас медленно тают.

– Ну говори, чудо. Внимательно слушаю.

– Давай не по телефону, – мнётся он, а затем прочищает горло. – Встретимся? Тебе будет интересно.

– Не думаю, – коротко роняю в ответ.

– Я собрал неплохую папку: копии скриптов, записи на

диктофон, фотографии...

Он делает паузу. Для чего? Ждёт, моей реакции? Напрасно. Какой же он хлам.

– Цена вопроса – двадцать лямов. И я уйду тихо. Не будет денег – утром всё будет у тех, кому надо получить новые звёздочки на погоны. Всё, о “ферме”.

– Мне глубоко пох.

– Аким... Не советую применять силовые методы. Я позаботился о страховке, понимаешь?

О, я понимаю, перхоть, ты, подзалупная.

– Почему двадцать? – задаю вопрос без интереса. Ответ я знаю. Семнадцать – это стоимость его конуры в ипотеку. И ещё три он хочет сверху. На ремонт что ли?.. Так, маловато будет. Просил бы сразу полтос.

– Неважно. Это моя цена, – отвечает он с нервными нотками. – Готов обсуждать. Встретимся?

Снова взгляд на виски. Лёд почти растаял. Как и его шансы, которых не было.

– Скинь мне адрес места и время, – бросаю в динамик и скидываю звонок.

Через минуту в мессенджер прилетает сообщение.

404-й: Завтра. Тусовка у Дена Ермакова. Ты ведь не думал, что я выберу безлюдное место.

И тупорылый улыбающийся смайлик. А после него адрес его будущего места захоронения.

Завтра? Так даже лучше. Есть время на подготовку.

Ставлю бокал, постукиваю пальцами по стойке. Ермаков – наш же, из охраны. Но старше Лубского, тише, опытнее. Ванечка безмозглая вошь, думает, что на “нейтральной” территории его тушка в безопасности и там ему ничего не грозит. Ошибочка. А что касается Дена... Он первым поможет вынести труп, если его попросят. И даже совесть не зачесется. *Простая истина: на “ферме” не работают святоши.*

Киваю бармену. Он подгребает ко мне с терминалом, и я оплачиваю счёт. Пора на улицу. Шум в баре слишком давит мне на уши, а запах: алкоголя, перегара, еды и человеческого пота, лишний раз напоминают о том, что скопление людей – это не что иное, как гнилая свалка.

Забираю из гардероба куртку, накидываю её на ходу и наконец-то вываливаю на улицу. Дверь бара захлопывается за мной, отсекая шум и вонь. Ночной воздух бьёт в лицо, сбивая дыхание. Хорошо. Подхожу к своей тачке, припаркованной за углом бара. Сажусь на водительское, но движок не запускаю. Просто гоняю в голове мысли – сделать всё самому или... *позвонить Каю.*

Кай – это всегда вариант “быстро и навсегда”. У него своеобразная репутация. Не каждый готов работать с ним. Как и он, не готов работать с каждым. Мы не друзья – по крайней мере, ни он, ни я так не говорим. Это что-то другое. Симбиоз. Я даю ему деньги и цель, он даёт мне... чистоту. Иногда встречаемся в баре за бокалом виски и говорим о чём-то незначительном. Дружба ли это? Хуй знает.

Проблема в другом.

Кай работает быстро. Без вопросов. Но иногда у него свистит крышка – и тогда вместо одной цели ложится десяток. Не потому, что надо. Потому что понесло или весело. Весело, блять!

Простыми словами работа с ним – это гарантия результата и лотерея по последствиям одновременно. Сегодня он может незаметно для всех убрать одного человека и исчезнуть. А завтра – оставить после себя такой шлейф, что отмываться будут все, кто стоял рядом. И хер знает, какую спичку ты вытащишь.

Вопрос остаётся тем же. Нужен ли мне Кай... или нет?

Сука. Нужен. Потому что идти в этот сарай в одно рыло даже я не совсем кретин. Взять с собой брата? А собственно, из-за него всё и случилось.

Дорофей или Дор. Мой дорогой братец. Он же Куратор на “ферме”, который умудрился сцепиться с Лубским. Были там серьёзный повод? Не факт, Дор в принципе способен докопаться до любого, если встал не с той ноги. Что и произошло, а впоследствии запустило этот маховик. Он не просто оштрафовал Лубского. Он методично ломал его на протяжении двух месяцев. Зачем? А хер бы его знал. Но, как мне показалось из-за тёлки из колл-центра. Первый штраф – на нарушение протокола охраны. Нарушение было. Но не на ползарплаты. Это был акт показательной порки. Второе – за утерю служебной ключ-карты. Кстати, карту спустя несколь-

ко дней нашли. В прачечной. Лубский просто забыл её в заднем кармане своей формы. Идиот тупорылый.

Достаю телефон. Набираю Кая. Он поднимает трубку после второго гудка. Никаких приветствий.

– У нас на “ферме” завелась крыса. Наглая такая. И тупая. Убрать, – усмехаюсь. – И ещё... – выдерживаю паузу. – У крысы есть девушка и квартира – тоже под зачистку. Всё, что с ним связано, в мусорку. Ты в деле?

– Когда? – лениво зевает он.

– Завтра. Тусовка у одного из “наших”. Судя по картам, это какой-то посёлок, загородный дом. Не СНТ, а что-то благородное. Я пробью, но процентов на девяносто – там будут только свои, – выдаю всё ровным, безэмоциональным тоном.

– Ха! Благородное... – ржёт Кай. – Ну, раз благородное, то добавим им благородного красного. Я в деле. Сначала там, потом квартира или похер?

– Не, в том и фишка. Сначала ты едешь в квартиру, а я на тусовку. Делаешь всё красиво и подгребаешь ко мне. Поясню. У крыски, возможно, пруфы хранятся дома. А ещё тёлка. Уверен, он ей проболтался. Так что... в утиль.

– Харэ... потише. Мне похер. Главное, я понял. Адрес кидай, – уже совершенно серьёзным голосом говорит Кай.

– Кай, самое главное... Ты понял, да? Будь в дерьмовом настроении, потому что когда оно у тебя хорошее, обычно происходит какая-то дичь.

– Да, да... мамочка. Я понял. Не переусердствовать. Хо-

рошо, “Кимчик”.

– Квартиру сам зачистишь или отправить кого-нибудь?

– Да хрена там делать. Сам справлюсь. Время, место. Жду.

– Уже скинул.

– Чао, Ким.

Чёртов Уборщик достал меня так называть. Но у меня тоже всегда наготове его “любимое прозвище”.

– Адьос, Герда.

Скидываю звонок и усмехаюсь, качая головой. Нет, когда-нибудь я точно его убью. Или он меня.

Час спустя сворачиваю в свой посёлок. “Строящийся” – громко сказано. Скорее “заброшенный в процессе”. Место оказалось совершенно непопулярным. Именно поэтому его и выбрал. Мой дом – в самом конце, одноэтажная коробка в скандинавском стиле, что прижалась к лесу. Соседи есть, но на достаточном расстоянии. Почти не видно. Почти не слышно. Идеально.

Глушу двигатель. Тишина здесь особая – пустая, не имеющая границ. Из звуков, только ветер, скрип качающихся деревьев и снега под ботинками. Открываю дверь, переступаю порог. Прохладно. Воздух пахнет привычно – бетоном. Щёлкаю выключателем. Светодиодная подсветка по потолку заливает пространство приглушённым, холодным светом.

Прохожу в спальню. Беру с тумбы пульт. Одно нажатие – тяжёлые тёмно-серые шторы медленно ползут вниз. Жду, когда опустятся полностью. Только тогда мне становится ком-

фортно. И это при том, что на окнах тонировка и в любом случае, то, что происходит внутри дома, с улицы не видно.

Пальцы дёргают узел галстука. Освобождаю шею из чёртовой удавки. Откидываю её на матрас.

Потом – манжеты. Сначала левая. Пуговица вылетает из прорези с тихим щелчком. Поднимаю руку, рассматриваю запястье. Бледная кожа, синие прожилки вен... шрамы. Люблю идеальность тогда, когда сам не идеален. Парадокс. Щелчок – вторая манжета.

Теперь пуговицы. Ткань расходится, открывая грудь, живот – снова шрамы. Скула неосознанно дёргается – отвожу взгляд.

Стягиваю рубашку с плеч. Подхожу к рейлу у стены. Вешаю её на вешалку, поправляю плечики, чтобы ткань не мялась. Возвращаюсь, беру с постели галстук и вешаю его поверх рубашки.

Дальше ремень, брюки, бельё... все движения на автоматизме.

В ванную комнату иду абсолютно голым. Мне плевать – в этом доме я абсолютно один. И так было всегда. Кроме меня, здесь никого и никогда не было.

Пятнадцать минут на то, чтобы принять душ, ещё около семи уходит на то, чтобы побриться.

Возвращаюсь в спальню, кожу стягивает от холода. С волос капает на плечи. Падаю на матрас; из лёгких с тихим звуком вылетает воздух. Какое-то время просто лежу, таращусь

в потолок. Устал. Иногда кажется, что мне не двадцать лет, а все семьдесят. Веду плечом – болит. Всегда, сука, болит. Рука сама тянется, пальцы касаются места под ключицей. Когда-то отсюда торчал кусок арматуры. Сейчас об этом напоминает лишь бледный, уродливый шрам.

Выдох. Веду головой в сторону стопки книг на полу. Тянусь, но в какой-то момент рука замирает в воздухе. Передумал. Не хочу.

Выключаю ночник. Полчаса. Час. Всё как всегда. Не могу заснуть. Достая из-под подушки небольшой игольчатый коврик. Гвозди туповатые от частого использования – давно надо купить новый, но я забываю. Приподнимаюсь. Отбрасываю подушку в сторону. Кладу коврик так, чтобы он оказался на зоне позвоночника и шеи. Ложусь. Сначала боль усиливается. Кажется, всё тело пульсирует, горит... Но потом... Оно и моё сознание медленно расслабляются, успокаиваются. И я засыпаю, прогнав в голове последнюю мысль: *завтра всё должно быть чисто...*

Звонок телефона врезается в сон, острым шилом. Не открывая глаз, тянусь к тумбе, шарю по ней пальцами.

– Да, – бормочу сонным голосом, морщусь, вытаскивая из-под себя игольчатый аппликатор.

– Аким, чтобы был у меня в кабинете через час. Не опаздывай.

Отец скидывает звонок. Лежу ещё минуту, потом шумно выдыхаю и одним рывком поднимаюсь. Надо собираться –

он не любит ждать...

3. Фрагмент второй. Сортировщик

В тачке долбит Whole Lotta Ice. Бас бьёт в живот, сводит челюсть. Стёкла в моей Nissan GT-R дрожат, будто вот-вот пойдут мелкими трещинами. Вибрация идёт по всему салону, гудит в костях. Мне пиздато.

Вдавливаю педаль – аппарат послушно набирает скорость, приशीливая тело к креслу. Виляю влево, вправо. Просто так. По приколу, когда от меня шарахаются консервные банки. Влево. ЦРВик, лезет прямо под меня. Даже не сигналю. Резко выворачиваю руль. Ещё даю на педаль. Подрезаю его в нескольких сантиметрах от крыла. Пролетаю. В зеркале вижу, как он уходит в занос. Ссыкло тупое долбанул по тормозам, а надо было выравнивать тачку. Было бы всё ок. Ему повезло, что я сегодня в настроении просто попугать, а не вытолкать его в кювет.

Впереди поворот. Сбрасываю скорость. Аккуратно вхожу и снова вдавливаю тапку в пол. Впереди две фуры. Обогнать по очереди? Нет, нахуй. Зачем по очереди? Тянусь к “голове”, шлёпаю трек на паузу.

– У-у-у-у! – реву, пролетая между большегрузами.

Клянусь – я буквально слышал сейчас свист, с которым только что пролетал по узкому коридору.

Возвращаюсь в свою полосу под дикий сигнал гудка.

Ой, да завались ты.

Ровно через сорок минут глушу двигатель у серого каменного фасада главного корпуса. Тишина после рёва мотора и басов оглушает. Внутренности всё ещё потряхивает.

Вываливаю из тачки, тут же хлопаю себя по карманам в поисках пачки сигарет. Забыл. Ладно, переживу. Ускоряю шаг, двигаясь к входу. По привычке считаю ступени. Четырнадцать. Как всегда.

Переступаю порог университета, в котором работает мой отец. Ну как работает. Ну как мой отец.

Работает, да, но это не основное его дело. Основное делается в подвалах *“фермы” телефонных мошенников*, которым он владеет.

Если ад действительно существует, то для “фермы” и ее сотрудников там давно забронировано место.

Родитель, да, но только по документам. По факту – чужой человек. Который однажды решил оставить меня себе. Зачем? Видимо, подумал, что из меня можно будет слепить верного пёсика. И оказался прав. Да вот парадокс – ближе него никого у меня нет. Потому что остальные либо сдохли, либо... Я о них просто не знаю. У меня есть только он и Дор, чёртов мудила. Вот он-то как раз кровный сынок моего приёмого отца.

Отец сидит за массивным столом, перебирая какие-то документы. Дор устроился по правую руку от него, развалившись в кресле, вытянув вперёд ноги. Грёбаная шпала.

– Садись, говорит отец, не глядя на меня.

Он редко смотрит прямо в мои глаза, словно показывая, насколько я незначителен для него.

Сажусь в кресло напротив. Молчу. Жду. Догадываюсь, зачем вызвал. Перевожу взгляд на Дорофея и широко улыбаюсь. “Из-за тебя, сучок”, – говорю ему мысленно.

Проходит не меньше десяти минут, прежде чем отец откладывает в сторону бумагу. Поднимает глаза. Гнева в них нет, но это вообще не показатель того, что он в хорошем расположении духа.

– Иван Лубский, – произносит тихо, растягивая имя, пробуя его на вкус. – Эта мразота шантажирует нас. Угрожает раскрыть структуру. И я узнаю об этом сегодня. Ты ничего не хочешь мне объяснить? Сын.

– Не хотел тебя отвлекать, – пожимаю плечами. – Процедура утилизации запущена.

– Процедура, – передразнивает он меня. – Хорошо. Понял, – кивает, упирается ладонями в край стола и медленно встаёт с кресла. – А кто, скажи мне, дорогой мой Сортировщик, взял его на работу?

– СБэшники, – спокойно отвечаю.

– А перед ними, кто его проверял? Кто, блять, отсеивал весь хлам?

– Ну, допустим, я. И что дальше? – поднимаю бровь. – Вопрос поставлен неверно. Он должен быть другим.

– Внимательно тебя, – продавливают отец, глядя куда-то поверх моей головы.

– Кто довёл Залупского до состояния, когда уже нечего терять? – говорю очевидное, скалясь на один бок.

Взгляд отца скользит по Дору.

Брат даже не шевелится, только дрогнувшие веки выдают, что он напряжён. Внутри. А внешне...

– Этот урод косячил. Пришлось въехать по деньгам, чтоб дошло, – голос Дора спокойный, точно он еженедельный доклад читает. – Я...

– Заткнись, – отец даже не повышает голос, чтобы дать ему понять, что лучше закрыть свой рот. А потом снова переводит внимание на мою персону. – Меня не интересуют подобные разборки. Ферма должна работать, как швейцарские часы. Точно. Без единого сбоя. Лубского – к утру не должно быть. Провести тотальную проверку каждого, кто с ним контактировал. Если будет хоть тень сомнения – убрать. Все его окружение. Ясно?

В голове на несколько секунд становится пусто.

– Это... много шума, – говорю осторожно, бросая взгляд то на отца, то на брата.

– На что ты намекаешь? – хмурит он брови. – Вот чёрт! Аким, какого хера? Мы, кажется, договаривались, что приглашаем этого парня только в крайних случаях.

– А это он и есть, – говорю, потягиваю плечо, ощущая внутри него фантомную боль. Словно кусок арматуры всё ещё там и кто-то методично его прокручивает. – И я уже связался с Каем, кратко ввёл в курс дела. Он согласился.

Отец морщится, как от вида раздавленного по асфальту голубя. Дор резко бросает на меня взгляд, затем переводит его на свои руки, сцепленные в замок, и крепче сжимает пальцы. На его лице так и сквозит тревога.

– Ёбаный Художник... – бросает братец.

– Если тебе не нравится, как я убираю твоё дерьмо, – говорю, глядя прямо на него. – То ты всегда можешь взять совок и сделать это сам. Хотя... – усмехаюсь. – Сомневаюсь, что у тебя получится. Белоручка.

Дор срывается с места так резко, что кресло падает на пол с оглушительным грохотом. В следующее мгновение он уже передо мной, хватая за грудки толстовки, приподнимая с кресла. В глазах бешеная ярость. Умел бы огнём дышать как дракон, уверен – из его рта вырывались бы язычки пламени. Но мне пох. Даже вырваться не пытаюсь. Просто обхватываю его предплечья, блокируя любые последующие движения.

– Хватит! – рявкает отец.

Сначала замираем. Потом одновременно, разжимаем пальцы и отшатываемся друг от друга. Падаем обратно каждый в своё кресло.

Отец наблюдает за нами с прищуром, его челюсть ходит из стороны в сторону.

– Хорошо, я не против твоего решения, – говорит он наконец, прилипая ко мне взглядом. – Но ты торчишь рядом с Художником, чтобы всё не пошло по одному интимному месту. Если будет лишний шум... – он делает паузу. – Ты не

просто останешься без денег в этом месяце – ты останешься без работы. И я найду кому её передать. Понял меня, сопляк?

Смотрю на него не моргая. Без работы... Без денег... А значит, без смысла существовать дальше. А я этого не могу допустить.

– Ничего не выйдет из-под контроля. Всё будет чисто. Он делал это для нас десятки раз – без осечек. Да и один я бы не заташил. Я не Уборщик, у меня совершенно другие задачи, – перевожу взгляд на брата. – Поэтому Дор... тебе нужно проверить остальных.

– Проверю, – бросает он. – Уже начал.

Молча киваю.

– Хорошо. Работайте, – отец отворачивается к окну, показывая, что разговор на сегодня окончен.

Встаю и выхожу из его кабинета первым, чувствуя на спине тяжёлый взгляд брата. Дверь за мной закрывается с мягким, тихим щелчком. Широким шагом иду по коридору, сворачиваю за угол и останавливаюсь. Прислоняюсь лбом к прохладной стене.

“Ты не просто останешься без денег в этом месяце – ты останешься без работы. И я найду кому её передать.” – долбит в ушах фраза отца.

– Сука! – отрываюсь от шершавой поверхности и с силой бью в неё кулаком. Костяшки тут же разбиваются в кровь. Ещё удар. Ещё. Боль отрезвляет. Мне хорошо. Зали-

паю взглядом на кровавое пятно. Морщусь, достаю из кармана пачку бумажных салфеток и вытираю.

Когда-нибудь... Когда-нибудь я убью отца и Дора. Ну а пока...

Всё должно пройти идеально. Сегодня. Вечером.

Сминаю в кулаке салфетку. Делаю шаг в сторону лестницы, как слышу за спиной шаги, а затем знакомый голос:

– Аким...

4. Фрагмент третий. Сортировщик

– Аким, какого хера сейчас было?

Оборачиваюсь через плечо, не разжимая кулак. Взгляд бросаю пустой, как на пыльное кашпо в углу коридора – предмет, который даже не замечаешь. В глазах брата загорается обида, точно у озлобленного щенка, которому недодали внимания.

– Ещё раз так сделаешь, и я сломаю тебе руки, – говорю спокойно, даже по-родственному мягко. Направляюсь к выходу не оборачиваясь.

– Ты слышал, что сказал отец? – Дор идёт за мной, его шаги гулко отдаются в пустом коридоре – все студенты на парах и мы совершенно одни. – Если накосячишь из-за своего... Уборщика...

Останавливаюсь так резко, что Дорофей чуть ли не врежется мне в спину. Медленно поворачиваюсь. Он делает шаг назад. Между нами не более метра. Вижу, как дёргается жилка у него на виске, а над губой выступили росинки пота.

– Если что-то не устраивает, найди нового Уборщика. Сам.

– Ты можешь и сам убрать Лубского.

– Как и ты, – говорю утвердительно. – Что ж не бежишь это делать? Не хочешь возиться в этом дерьме, потому что понимаешь, что по факту придётся убирать не только его?

– лицо кривится в саркастической улыбке. – Если б не твоя детсадовская игра с ним, – понижаю голос, растягивая слова. – Этой ситуации могло вообще не случиться. И да, я не на-косячу. А ты – уже это сделал. Так что не зуди мне под ухом, ищи других крыс, если такие имеются.

– Аким, не зарывайся, – давит он с угрозой в голосе. – Фильтр включай и помни, с кем разговариваешь.

Замираю, но не отступаю. Наоборот, делаю ещё один шаг в его сторону. И он тоже. Теперь мы так близко, что наше дыхание смешивается. Он пахнет... мной. Свой. Родной. Хоть и не по крови. И это злит ещё больше.

– Я всегда помню, – отвечаю на хрипе. – В данный момент я разговариваю с причиной проблемы. С братом, который подставляет отца, потому что не умеет себя контролировать.

– Тогда помни и то, что для отца ты не более чем инструмент. Хорошо работающий, почти незаменимый. Почти... Но что будет, если он найдёт инструмент поновее? Того, кто работает лучше тебя.

Заменяемость. Это моя самая чёрная мысль. Перед глазами неосознанно всплывают картинки из детства, вонзающиеся в мозг.

Фрагмент прошлого

Холодное крыльцо особняка, цвета асфальта. Я сидел на нём несколько часов. Ждал. Периодически поглядывая на мужика, который раз в полчаса выходил из будки охраны, курил и сверлил меня взглядом, полным презрения. Всё потому,

что я не должен был здесь находиться. Но, когда ты ребёнок, отлично лазаешь по деревьям и не боишься боли – забор высотой в несколько метров – не проблема. Наверняка после этого ОН усилит безопасность своего дома.

Мне восемь лет, и я не плакал уже два дня. Плакать бесполезно. Энергозатратно. Бесперспективно. Мама не вернётся. Я чувствовал это. Она, как обычно, ушла на утреннюю пробежку, так как всегда следила за своей фигурой, и больше не вернулась. Её телефон не отвечал, а других номеров у меня не было. Да, ни одного. Я не знал своего отца – он был просто словом, которое слышал только от других людей. Но кто-то похожий на отца у меня всё-таки был. Последний год мы жили не в нашей старой сталинке, а в новой, чистой трёшке в элитном жилищном комплексе. В квартире любовника мамы. Ильи Михайловича Костомарова. Ректора.

Сам он не жил с нами. Но появлялся достаточно часто. Иногда приезжал со своим сыном – Дорофеем, длинным, толстым пацаном, который был младше меня на год. Дор мог гостить у нас по несколько дней, спать на моей кровати, а меня с подушкой и одеялом отправляли в гостиную на диван. Я ненавидел эти дни.

Но позже... я бы всё отдал за то, чтобы так было и дальше. Плевать на Дору. Плевать на то, что я должен был во всем уступать ему. Плевать на омерзительного ректора, что на каждого смотрел так, словно это пыль.

Я просто хотел бы, чтобы мама не исчезала...

Моргаю, и крыльцо растворяется, сменяясь коридором университета и лицом брата, который смотрит на меня с холодным любопытством. Он знает, что своими словами ударил меня в солнечное сплетение.

Но я не куплюсь на это. Если я и хлам, то точно такой же, как и он. Как все люди на этой разлагающейся планете.

– Отец любит проверенные вещи. Стабильность. И ненавидит ломать устоявшийся порядок. Твоя выходка – всё это разнесла. Так может, это тебе отец найдёт замену, Дор? А ты будешь просто студентом, а потом отправишься работать менеджером в какой-нибудь серенький офис. М? Как тебе такой вариант? О, хотя у него столько денег, что ты можешь вообще не работать. Просто будешь сидеть на его шее, как какой-то никчёмный слизняк.

Не жду ответа. Поворачиваюсь и ухожу. Он не пытается меня остановить и продолжить этот бессмысленный разговор, но тишина за моей спиной буквально вибрирует от эмоций, переполняющих брата.

На улице становится лучше. Морозный воздух. Хорошо. Вдох-выдох. Кровь на костяшках уже подсохла, стянув кожу.

Сбегаю со ступенек. Снова их считаю. Четырнадцать – как обычно. Глупый ритуал, но каждый раз я его повторяю.

Сажусь в машину, сразу запускаю двигатель, и какое-то время даю ему прогреться, а себе, чтобы всё уложилось.

Когда стрелка температурного датчика выходит из крас-

ной зоны, медленно трогаюсь с места и покидаю парковку. Заскакиваю в супермаркет за сигаретами и Колы, и прямой наводкой еду в гараж на окраине, который приобрёл три месяца назад. Сука, как чувствовал, что пригодится.

Обычный кооператив, с бесконечными рядами капиталок из серого кирпича. Смешно, но проезжая мимо них, всегда думаю, сколько здесь таких же долбанутых, как я, приобрели местечко для своих “тёмных секретов”? По любому дохера.

Останавливаюсь в самом тупике. Ворота с номером пятьсот восемьдесят шесть. Выскакиваю из тачки. Курю и только потом открываю ворота, возвращаюсь в машину и заезжаю внутрь.

Все на своих местах. Ножи, огнестрельное оружие, резиновые перчатки, фонарь. Я не собираюсь этим пользоваться. Но наличие всего этого – успокаивает. Это мой контроль. Осознание, что в любой момент я могу этим воспользоваться, конечно, если успею добраться. Но это дерьмовый вариант.

Медленно тяну руку. Не спешу, давая себе выбор. Что я возьму с собой? Этот?.. Этот?.. Или этот? А может быть, этот?

Выбрал.

Пальцы скользят по гладкой поверхности, цепляют холодный, тяжёлый металл. Обхватываю рукоять, и вес сразу осаживает ладонь, заставляя усилить контроль за своими движениями и разумом. Опускаю руку, разворачиваю рукоять

внутри и задвигаю под край джинсов. Холод упирается в кожу, ремень прижимает сверху. Ну вот и всё.

“Я не собираюсь этим пользоваться” – повторяю про себя. А там... как пойдет.

Смотрю на часы. Пора переодеваться и ехать.

5. Фрагмент четвертый. Сортировщик

Домой лечу уже на скорости, под V94 MC's – IN THE GYM. Громко. В самый раз, чтобы выдолбить из головы всё лишнее.

Через час захожу в дом. Быстро скидываю с себя одежду и сразу иду в душ. Ещё одна привычка – после разговора с отцом всегда тянет помыться.

Переодеваюсь на автомате. Чёрные джинсы, чёрная футболка и чёрная толстовка на замке, кроссовки, которые не скрипят. Всё тёмное, всё сливается. Ни одной яркой детали, за которую можно зацепиться взглядом, что-то запомнить, как-то выделить меня. Тень, сука.

Делаю шаг в сторону, и в этот момент прилетает звук уведомления на мой смартфон.

Уборщик: В процессе.

Коротко. В его стиле. Но от этого сообщения я улыбаюсь. Всё по плану. Кай уже в квартире убудка Залупского. Значит, половина дела уже сделана.

Ускоряюсь со сборами, проверяя в последний раз всё ли, взял и только тогда выхожу из дома.

По ночной трассе за сто двадцать. Гололёд, боковой ветер. Наверное, не стоит так лететь. Но когда мне было до этого

дело? Примерно всегда похер. Не то чтобы я проверял себя на то, насколько я фартовый и живучий, просто уверен, что всё будет “ок”. Фары выхватывают из темноты редкие указатели, узкие въезды в садовые общества и элитные посёлки, что сменяются один за другим. Начинается участок, где по обе стороны сосны стеной и вдруг на дорогу выскакивает заяц. Какого-то хера мелкая жизнь замирает прямо посреди дороги и смотрит в мою сторону.

– Сука, съе*ни! – вырывается из меня рыком. Чуть ослабляю давление на педаль, увожу тачку в сторону, радуясь, что встречака полностью пуста. – Повезло тебе, зайка, – усмехаюсь, пролетая мимо.

Да, будь сейчас всё иначе. Будь встречный поток – и решение я бы принял другое.

Дом Ермакова находится неожиданно в тупике. Удивляет немного. Кажется, у нас есть кое-что общее – желание жить в уединённом месте. Дом большой, деревянный, в альпийском стиле. У забора припаркованы, как минимум шесть машин. Калитка гостеприимно приоткрыта. Как мило и как глупо. Вот так в овчарню и попадают волки. Прохожу в калитку, достаю из кармана пачку сигарет и сразу выбиваю одну. Зажимаю её между губ, подношу зажигалку – чиркнув колёсиком, прикуриваю. Из каждого окна дома льётся тёплый, уютный свет. Складываю большие и указательные пальцы обеих рук так, чтобы получилась прямоугольная рамка. Отвожу чуть, смотрю. Ну да, просто картинка для идеальной открытки.

Делаю затяжку. Дым горчит, оседает в лёгких. Возникает желание сделать глоток воды от лёгкого першения в горло, но оно достаточно быстро проходит. Я стою в тени, прислонившись к сосне, и с нарочитым безразличием сканирую периметр: есть ли камеры, где выход на задний двор, где самый неприметный угол. Прокручиваю в голове маршруты отступления на тот случай, если что-то пойдёт не так.

Ещё затяжка. Мой взгляд, скользя по фасаду дома, задерживается на одном из окон первого этажа. Оно широкое, в пол. За ним – гостиная. Мелькают силуэты, слышен приглушённый бас. Выпускаю в воздух облако сизого дыма, и в этот момент...

К окну подходит она.

Стоит так, точно пытается отгородиться от шума за спиной. Смотрит в тёмное стекло. Меня не видит. Её взгляд направлен совершенно в другую сторону.

И мне бы сделать шаг, двинуться вперёд, войти в дом, но я стою подвиснув на ней, как на крючке.

Зачем-то забиваю в свою память её образ. Ровное, почти строгое лицо – ни одной лишней эмоции. Бледная, фарфоровая кожа. Длинные тёмные волосы с прямым пробором падают на плечи. Тонкая шея, острые плечи – хрупкость, от которой внутри поднимается странное, злое желание не отводить взгляд. Я снова возвращаюсь к лицу. Густые, прямые брови. Глаза. Сука... сколько в них сейчас показного безразличия. Именно показного. Внутри, уверен, полыхают пожа-

ры. А какого они цвета. Серые? Зелёные? Не разобрать отсюда, и это почему-то бесит. Хочется прямо сейчас подойти, сжать её плечи и заглянуть туда, куда она никого не пускает.

Зайка.

Как тот дикий зверёк с трассы. Выглядит так, точно её по ошибке поместили в клетку к хищникам, а она, вместо того чтобы притвориться одним из них или сбежать пока не поздно, просто замерла, наблюдая, рассчитывая шансы на выживание.

О, милая, чтобы выжить, надо начать что-то делать.

Опускаю руку. Сигарета выпадает из пальцев, падает в снег с тихим шипением. Я даже не замечаю. Я всё ещё прикован к ней.

Она поднимает руку, поправляет прядь волос у виска. Движение выходит резким, и она тут же замирает, затем, уже плавно опускает руку. Отворачивается от окна, её профиль на секунду очерчивает свет. Чёткий контур губ – полные, сочные, влажные. Твёрдый подбородок, мягкие скулы. Интересный контраст.

Она ведёт взглядом и смотрит прямо в темноту. На меня. Уверен, она не может меня видеть, но смотрит так, словно чувствует моё внимание к ней.

“Кто ты?” – мысленно спрашиваю сам себя. – И что ты делаешь в этом доме? Я знаю каждого, потому что лично их отобрал, отсортировал от остального хлама. И тебя среди них не было. Тогда...

Кто ты?

Она отводит взгляд, а потом растворяется в глубине комнаты. Но перед глазами до сих пор стоит её образ и переливается разными цветами, как голограмма.

Кто ты?

Делаю шаг из тени на свет окон. Иду к дому, уже зная, что сначала я буду искать её, и только потом – Лубского.

На входе сразу же сталкиваюсь с Ермаковым. Бросаю с усмешкой:

– Ты и в своём доме за охрану подрабатываешь?

Ден посмеивается, протягивая руку для приветствия.

– Типа того... Типа того...

– Что-то сегодня негусто, – говорю, обводя головой по кругу.

Он слегка напрягается, хоть и старается выглядеть непри-
нуждённо.

– Часть народа после прошлой тусовки отойти не может, – пожимает он плечами, но взгляд ненадолго убегает к барной стойке. – Аким, тут такое дело... гостей пара прибавилась, но все свои, не переживай.

Пара гостей... Одну я уже заметил, а кто вторая?.. Тоже увожу внимание в сторону, но сразу ловлю в фокус лицо, которое не очень-то хотел видеть.

“А вот и свой”, – проносится в мыслях, когда я смотрю на информатора – а проще говоря, шестёрку Дора. Братца на тусовке нет, но его глаза и уши повсюду. Кто бы сомневался.

И всё бы ничего – меня этот малой не волнует – но, что за девчонка с ним? Видимо, она и есть вторая новенькая.

Оборачиваюсь на Дена с неммым вопросом во взгляде: “У нас что, день открытых дверей?”

– Ничего не хочешь сказать? – выдыхаю, не сводя глаз с пацана и его спутницы. А она ничего такая... Узнать бы о ней побольше и если она из “потеряшек”... завербовать на работу.

Ден нервно проводит рукой по затылку.

– Ты же понимаешь, я не мог... Он у Дорофея на подхвате. Свой парень. Пришёл, сказал, что его Куратор прислал. А зачем... Прямым текстом: “не твоё дело”. И что я должен был делать?

Киваю Ермакову безразлично, давая понять, что принимаю его слова. В принципе я ожидал, что брат пришлёт кого-то из своих.

– Она... – киваю на девушку рядом с шестёркой.

– Не сказал. Но я слышал, как он обратился к ней “сестрёнка”. Опять же, тут не понять в шутку или всерьёз.

Снова киваю.

Ден ещё немного топчется на месте, потом не выдерживает и тихо говорит:

– Парнишка здесь явно не за атмосферой припёрся, Аким. Никогда не появлялся, а тут... Да и глазами будто сканирует пространство. Я же понимаю – он здесь за отчётом. Наверное, Куратор отправил, чтобы проследить, что у нас тут всё

спокойно. И девчонка эта – кивает он на блондинку рядом с пацаном. – Либо тупая прикрывашка, либо вторая пара глаз, – выдыхает он. – Аким, если вы переживаете, что здесь что-то...

– Мне пох, – бросаю, не дав ему договорить. – Пох, пока всё тихо для внешнего мира. Понял?

– Конечно, – быстро кивает он. – Да мы никогда! Ты же знаешь...

Только собираюсь спросить у него про брюнетку, как у Дена оживает телефон. Он достаёт его из кармана и бросает на меня взгляд.

– Ответь, – даю разрешение.

– Это доставка. Алкашку довели, – отвечает таким тоном, словно оправдывается.

Ничего не отвечаю, просто прохожу вглубь гостиной, мазнув взглядом в сторону окна, где стояла брюнетка. Само собой, её там нет. А вот машину за окном и мужика, что выгружает из багажника ящики с алкоголем, я вижу.

Пока иду, меня чуть ли не кланяющимися взглядами провожают. Лицемерные рожи. Не всё. Кто-то на самом деле меня боготворит за то, что я помог оказаться им на “ферме” и вылезти из финансовой ямы. Но есть и те... кто ненавидят меня. Те, кто рады бы уйти, но тупо боятся. И правильно делают. С “фермы” нельзя просто взять и свалить в закат. Просто потому, что у этого поезда лишь одна станция – “кладбище”. Мы не говорим об этом прямо. Но это стадо не совсем

тупое, и каждый из них, всё прекрасно понимает.

Иду прямой наводкой к точке в тени у стены с обзором на всю комнату. Кожаный диван, столик с бутылкой виски и двумя бокалами рядом. Я не пью, когда работаю. Но... Возможно, сегодня немного нарушу свои правила.

Глаза сами цепляются за Лубского у бара. Меня он пока не видит, либо делает вид, что не видит. Второе более вероятно. Слишком уж показное поведение у него.

Чмошник, я надеюсь, ты не думаешь, что я сам к тебе подвалю? Забудь об этом.

Падаю на диван, тянусь к столику и, взяв бутылку, с интересом рассматриваю её, кручу в руках, читаю этикетку. Пиздец интересно. Нет, это просто мой сарказм.

Секунда. Две. Три... Ещё секунда... Взгляд исподлобья, прохожусь как сканером, отсекая лишний шум и силуэты.

Вот она.

В противоположном углу гостиной. Стоит в компании нашей стажёрки Анфисы, которую я не так давно отобрал для работы. Интересно. Они знакомы давно или встретились и заговорили уже здесь?

Всё тело Зайки – одна натянутая струна. Но это не главное. Главное – это её лицо.

В руке – стакан с водой, за которым, она периодически пытается спрятаться. Смешная. Какой-то кусок стекла, против этого мира тебе не поможет.

Губы девчонки слишком плотно сжаты, до бледной, побе-

левшей полосочки. Челюсть напряжена. И глаза... В них вообще что-то странное плещется – яркий, чистый конфликт. О чём ты думаешь, маленькая? Что решаешь в своей чудной головке? Я вижу в ней желание сделать что-то безбашенное и одновременно животный страх. О да, этот взгляд ни с чем не спутать.

Эта Зайка ненавидит. Но не это место. Не этих людей, хотя, если бы ненавидела их – я бы только одобрил. Она ненавидит саму себя за то, что оказалась здесь. И за то, что ей придётся что-то делать.

Что? Что ты хочешь? Планируешь согрешить? Или же...

Я бы согрешил с тобой. И не один раз.

Уголок моего рта непроизвольно дёргается от странного интереса к ней.

И вдруг Анфиса подаётся вперёд, что-то говорит ей на ухо. И пугливая Зайка смотрит куда-то сквозь комнату, а потом... Кивок. Шаги. Она движется. Я веду её взглядом, пока она не останавливается у барной стойки. Рядом с ёба*ым Залупским.

Интересный ход, Зай. Он самый гнилой мусор в этой комнате, и ты подходишь к нему вплотную. Зачем?

Поворачиваю голову, чтобы найти Дена, но вместо него вижу мягко плывущую фигуру Кая. Ну и видок. Ноль эмоций, но я то вижу, как сверкают его глаза. Долбаный Уборщик – счастлив. И вот это уже повод для беспокойства.

Не шевелюсь, просто смотрю пустым взглядом, пока он

оторвёт от себя, дешёвую шваль, что повисла на нём.

– Может быть, позже, – говорит ей голосом, сладким, как сироп, и отстраняет в сторону таким движением, которым обычно смахивают пыль. И в этом весь он. Тоже чистюля. Правда, пока дело не доходит до его... “работы”.

Наконец, Кай подходит и плюхается на диван. От него едва уловимо пахнет металлом и мятной жвачкой. Протягиваю ему заранее налитый бокал. Он берёт, делает маленький глоток, на пару секунд прикрыв глаза. Потом возвращается в реальность и, не глядя на меня, говорит:

– Слушаю.

6. Фрагмент пятый. Сортировщик

Подношу бокал к губам. Не пью. Просто смачиваю кожу. Кончик языка скользит по нижней губе, собирая капли. Вкус обжигающий, дубовый, с горьковатым послевкусием дыма. Язык немеет на секунду, а потом по губам раскатывается жгучая волна. Хорошо.

Незаметно поворачиваю голову, периферийным зрением замечаю, что Зайка выходит из гостиной. Приспичило? Или просто стрессанула и шибануло по нервам? Решила перевести дух? Что ты, блять, придумала?

В этот момент мимо проходит Лубский, цепляет девку и шоркается с ней в каком-то блевотном подобии танца.

– Один чел, – еле заметно киваю в его сторону.

Кай проходит взглядом по залу. Заметно, что яркие вспышки стробоскопов, как в клубе, его раздражают. Впрочем, как и меня. Ещё одно маленькое сходство между нами.

– Танцует с дешёвой шкурой, которая только что на тебя вешалась, – подаюсь вперёд, упираясь локтями в колени. – Иван Лубский... – добавляю задумчиво. – Но тебе пох, знаю.

Кай моментально впивается взглядом в парочку. Смотрит, как парень всю лапает эту Ксюшу, что работает на “ферме” на самом дне. То есть та, кто занимается прозвоном наивных старичков.

Кай хмыкает, а потом его взгляд слегка дёргается и под-

висает на блондинке, с которой припёрся информатор моего брата.

Молчу. Просто наблюдаю за ним. Уверен, мысленно – он уже трахает её во все щели.

– Вижу, – кивает он.

– Короче, этот хлам в человеческой оболочке попутал берега. Попытался ша...

– Не интересуется, – быстро перебивает он, снова убегая взглядом к блондинке. – Когда? Сколько жертв при этом допустимо?

Закатываю глаза, а после аккуратно и почти бесшумно ставлю бокал на столик. Как же задолбал, этот позер хренов. Я ведь не тупой и понимаю, к чему он клонит.

– Сегодня. Здесь или нет – решай сам. Желательно одного, Кай. Только его. И давай, без твоих штучек. Я знаю, ты это можешь. Так, будь умничкой. Оке?

– Это как получится, – ухмыляется он. Он тоже ставит пустой стакан на стол. Берёт бутылку. Наливает до краёв.

“...как получится”, – эхом откликается в голове.

Так бы и ё*нул этой бутылкой по его дурной черепушке, чтобы мозги на место встали. Но беда в том, что всё равно не встанут.

– Не увлекайся, – бурчу, наблюдая за тем, как он подносит бокал к губам.

– Второй стакан, мамочка, – улыбается и осушает сразу половину.

– Просто знай, если когда-нибудь ты всё-таки найдёшь свою смерть – у неё будет моё лицо, – бросаю, снова замирая на одной точке.

“Ну же. Куда ты пропала? Не заставляй меня идти на твои поиски, Зайка”, – что? Я реально только что подумал об этом?

– В твоих мечтах... – бросает Кай, допивая стакан. – Свечку поддержишь или свалишь?

– Значит, будешь работать здесь? Эти чудики тебе не помешают?

– Вечер только начался, а ты сразу о работе, – кидает, делая очередной глоток и блуждая взглядом где-то за моей спиной.

– Мы и так на работе, творческий ты мой, – закатываю глаза к потолку и отворачиваюсь, давая понять, что я не настроен сегодня шутить.

Снова возвращаюсь взглядом к коридору и чуть на месте не подпрыгиваю от радости, увидев её. Зайку. Вот только радуюсь недолго, потому что Лубский уже оторвался от Ксюши и с мерзопакостной ухмылочкой плывёт в сторону девчонки. А эта курица замечает его и... дарит улыбку. Пластиковую, но всё равно это раздражает до скрипа зубов.

Музыка, что ещё секунду назад долбила жёстким битком, внезапно обрывается. А затем из колонок просачивается медляк. Бля, серьёзно? Cigarettes After Sex – Apocalypse? Искоса поглядываю на Кая и какого-то хрена, представляю,

как он под это трек устраивает здесь тотальную резню с ангельской улыбочкой на лице. Сука, да чтоб его! А потом... Взгляд снова мечется к Зайке в нежно-пудровом платье с прямоугольным вырезом. И я дёргаю головой от выстрела в висок мгновенным решением.

Надо утащить её отсюда.

Не знаю зачем, но её не должно быть здесь. Она лишний фрагмент.

Лубский, бросает короткий взгляд на меня, кивает, и расслабленной походкой подгребает к ней. О, да ты решил оттянуть время разговора?

Замираю. Пальцы непроизвольно сжимаются.

Он что-то говорит Зайке наклоняясь. Она отстраняется, почти незаметно, но он не даёт ей ускользнуть – хватает за руку. Не грубо. Но достаточно крепко. И тянет к себе.

И они начинают покачиваться под этот блевотный, тоскливый медляк. Он прижимает щеку к её волосам, прикрывает глаза, наслаждаясь моментом. А она... Застыла. Её руки беспомощно висят вдоль тела, но потом находит в себе силы, одна рука поднимается и упирается ему в грудь, но не отталкивает – просто является тонкой прослойкой между ними. Чёрт, Зай, ты меня разочаровываешь! Это всё, на что ты способна?! Пробей ему и просто свали.

– Залупского... – начинаю, но спотыкаюсь, понимая, что меня сейчас понесёт. – В общем, оторвись с удовольствием.

Перевожу внимание на Кая и выдаю свою самую лучезар-

ную улыбку.

– Можешь хоть с его жопы надёргать волос себе на кисточки для ИЗО, мне плевать.

Он заинтересованно выдыхает. Переводит взгляд с него на неё. Упирает локоть в колено и подпирает щеку ладонью.

– Окей. Трахни её. И потом я начну работать.

Во мне что-то срывается. Ярость буквально сковывает горло до удушья. С трудом сглатываю вязкую слюну. Беру бокал и залпом осушаю его. Вискарь обжигает горло, но ни хера не тушит тот пожар, что разгорается за грудиной. Вытираю губы тыльной стороной ладони.

Медляк заканчивается и Лубский тянет её за собой к барной стойке. Она кивает, что-то отвечает, оборачивается на Анфису, а та... Просто выставляет большой палец вверх.

Сука.

Они пьют. Говорят. Снова пьют. Мы с Каем молчим, каждый в своих мыслях. Каждый что-то просчитывает внутри себя.

– Кай...

– Да.

– Не... Ничего.

– Интересный выбор у неё. Непонятно только зачем, – говорит он задумчивым голосом, как будто мы о погоде тут говорим. – Готов поспорить, что сейчас она поднимется с ним на второй этаж. Глупая, да от него же за километр могилой пахнет.

Сердце гулко ударяет в грудную клетку. Один раз. Второй. Всё.

Нет, не поднимайся.

Лубский кладёт руку на её поясницу и ведёт к тёмному проёму, где находится лестница на второй этаж.

– Оу, ну кто-то точно сегодня её поимеет, – усмехается Кай. – Дилемма, Кимчик? – делает паузу, давая мне переварить его слова. – Ты ведь тоже уже понял? Она сейчас ляжет под него. Добровольно или нет... не суть. И всё. Эта игрушка будет сломана для тебя. Потом её только на свалку, – цокает он, после чего откидывается на спинку дивана, складывая руки в замок. – Так что вопрос, – в его голосе просачиваются капли яда. – Ты сейчас встанешь, пойдёшь туда и вынесешь её оттуда сам. Или я начну свою работу прямо с той комнаты, в которой они уединятся, под звуки её стонов? Просто потому, что это будет идеальный момент. Выбор за тобой.

Медленно поднимаюсь с дивана. Не глядя на Кая. Мои глаза прикованы к тому месту, где только что скрылись две фигуры.

– Дай мне пару минут, – говорю, налитым свинцом голосом. – А пока... Не двигайся с места.

Уборщик прав. Кто-то сегодня точно её поимеет. И я только что решил, что *этим “кем-то” буду я.*

7. Фрагмент шестой. Сортировщик

Переступаю ступеньку, мысленно начиная счёт: “Первая...”, когда на плечо ложится рука, а следом рецепторы забивает знакомый запах. Кай. Он подтягивается вплотную, тихо говоря:

– Ты же не думаешь трахать её в этом свинарнике? – в его голосе сквозит весёлое любопытство. – Хотя... есть в этом что-то первобытное.

Он ухмыляется, подмигивая мне.

Резко дёргаю плечом, сбрасывая его лапу. Мотаю головой: конечно, нет. Что я, скот? У меня есть собственные стандарты. Даже когда кругом один мусор. Нет, эту милую Зайку я буду дегустировать совершенно в другом месте.

Кай коротко, удовлетворённо выдыхает. Кажется, сейчас я заработал маленький плюсики к уважению. Не удивлён. Он чем-то похож на меня в этом плане.

Поднимаемся наверх. Коридор длинный, тёмный и абсолютно пустой. Четыре двери. Две по правую сторону, две – по левую. Гул тусовки снизу доносится сюда, как шум буйных соседей за стеной. Только раздражает. Идём, прислушиваемся к звукам на этаже.

– Эта, – киваю на дверь справа от Кая.

– Слышу, – глухо роняет он.

Лубский орёт что-то сиплым голосом. А в ответ – тишина.

Э, Зайка, какого хрена? Уже собираюсь дёрнуться, но Кай отводит в сторону руку в подобие барьера, замирает и наклоняет голову. Через секунду на его лице расплывается ангельская улыбка, которую я так ненавижу. Всё. Шоу начинается.

– Балаклаву надо? – бросаю со смешком. – Ну так, чисто для антуража, – И реально вытаскиваю из кармана свёрнутый вязаный "гондон". Подбрасываю его в воздух и ловлю.

– Шутишь? Он должен видеть лицо смерти. А это, – Кай кивает на "гондон" и хмыкает, – ...тебе ещё пригодится, Кимчи.

Следом Кай толкает дверь и абсолютно серьёзным голосом, без намёка на шутку или улыбку выдаёт:

– Ты Залупский?

Даже если у Лубского "стоял", то теперь точно на полшестого. Да не, там вообще печально всё. Картина в спальне до тошноты предсказуема. Этот гнилой мешок с костями, нависает над ней. А она... моя Зайка... вжалась в стену, уперев в его грудь руки. Ну и дура. Реально думает, что это хоть раз кого-то остановило? Ну и ещё потому, что какого хрена вообще попёрлась сюда? Серьезно, так зудело? Как-то по её виду – сомнительно. Её глаза – два огромных, тёмных пятна. И это, сука, просто поджигает меня.

Ты же не шкура? Или я ошибся?

Увидев нас, девчонка дёргается, предпринимая попытку рвануть в сторону и выбежать из комнаты.

Я ближе. И быстрее. Выбрасываю руку, хватаю её за пред-

плечье и рывком впечатываю себе в грудную клетку. Она вскрикивает, как зверёк, попавший в капкан. Не смотрю на неё. Сейчас я зол. Прожигаю взглядом Лубского. Делаю шаг в его сторону и говорю:

– Кстати, я всё понять не могу. А ты чё, Ванюша, сразу-то ко мне не подвалил? Ждал, что я сам к тебе на поклон приползу с деньгами?

Ещё шаг. Он отшатывается, роняет торшер, что стоял позади него. Зайка тут же вздрагивает в моих руках и напрягается всем телом. Машинально поглаживаю её большим пальцем по спине. Она только глубже зарывается в мою футболку лицом. На неё я тоже зол. Даже сильнее, чем на этого уroda.

– Ну что ж, – выдыхаю, глядя устало на него. Делаю паузу. Смакуя момент, когда мусор осознаёт, что он – мусор, который ждёт лишь один исход. – Я пришёл. Сообщить, что ты – труп, – скалюсь, наклоняя голову вбок. – Пока, Ваня.

Разворачиваюсь, отрываю от себя девчонку и мёртвой хваткой берусь за её запястье.

Кай уже довольный, распахнул объятия, как гостеприимный... псих.

– Ладно, развлекайся от души, – бросаю через плечо. – Вообще, ни в чём себя не ограничивай. Только... без косяков. Оке?

– Я понял, мамочка, дома буду вовремя, – хмыкает Кай и продолжает, обращаясь к Лубскому. – Ну, здравствуй, маленькая крыска. Какой твой любимый цвет?

Сзади раздаётся лёгкий, металлический щелчок. Кай достаёт свой, как он говорит, “инструмент”. Я ещё раз оборачиваюсь через плечо, чтобы заглянуть в глаза Лубскому. В них полное понимание и ноль попыток спасти свою жалкую тушку. О, да и бесполезно уже. Он давно predetermined свой исход.

Выволакиваю Зайку, не отпуская запястья. Её кожа под моими пальцами – гладкий шёлк, покрытый липкой плёнкой холодного пота. Страх. Она пропитана им насквозь. И это... невыносимо заводит меня, настолько, что штанах становится тесно. Заводит не сам страх, а то, как она открыта своим чувствам. В данный момент, она ничего не может скрыть от внешнего мира.

Дверь за спиной прикрывается, приглушая, но не скрывая полностью мокрые, чавкающие звуки, что теперь доносятся изнутри. Девчонка плетётся за мной тенью, безвольно, быстро. Но на середине коридора она вдруг напрягается и тормозит. Резко дёргает руку на себя.

– Отпусти! – рычит на хрипе. Но таким тоном, точно это я главная проблема её жизни.

Останавливаюсь. Медленно разворачиваюсь к ней. Расцепляю пальцы, а затем обхватываю её за плечи и грубо встряхиваю. Её тело отзывается тихим хрустом в суставах. Она морщится и хватается ртом воздух, глядя на меня широко раскрытыми глазами.

Чёрт. Перегнул. Не подумал, что она настолько хрупкая.

Но ведь злит. Она сама меня довела.

Наклоняюсь вплотную. Почти касаюсь её носа своим. Дышу ей в лицо. Вдыхаю аромат. Чистый. Нежный. Натуральный. Никакого парфюма. Мне нравится. Возникает практически непреодолимое желание попробовать её на вкус. Но... Сейчас не время и не самое подходящее место. Я обязательно это сделаю. Позже.

– Ты, – шиплю с нажимом. – Прямо сейчас мы свалим отсюда. Вместе. Без вопросов, ясно? Мы спустимся, и ты будешь выглядеть счастливой. Окрылённой. Словно только что кончила третий раз за час. Поняла?

Её зрачки расширяются, а там такой ужас плещется, что в уголках глаз мгновенно собирается влага.

Обхватываю её лицо руками, большими пальцами стираю слёзы и добавляю:

– Конечно, если не хочешь, чтобы я вернул тебя обратно, – мотаю головой в сторону двери, откуда всё ещё доносятся не самые приятные звуки.

Моя Зайка вздрагивает, потом кивает. Сначала медленно, а потом быстро-быстро. Её дыхание сбивается, становясь частым и поверхностным.

Ну вот. Нанугал. Идиотизм. Теперь она будет трястись как осиновый лист, и тащить её станет втрое труднее.

– Поняла, – тихо говорит она.

– Повтори, – тут же требую, услышав её прекрасный голос. Хочу ещё его услышать.

– Я... – Зайка с трудом сглатывает слюну. – Я всё поняла.

На первом этаже всё так же ревёт музыка и долбят басы. Чему я в данный момент очень рад. Потому что народ до сих пор ничего не подозревает. Просто отдыхает и веселится.

Меняю хватку на мягкую, нежную. Скольжу от её запястья к ладони, переплетая наши пальцы. Её – ледяные, дрожащие. Хочется скорее их согреть и, не удержавшись этому порыву, поднимаю “замок” наших рук, подношу к губам и обдаю горячим дыханием.

Я долбанулся?

Видимо, да.

– Мне надо попрощаться с одним человеком, – вдруг пишет она.

Понимаю, что, скорее всего, говорит об Анфисе.

– Нет, – резко рублю ответом.

Чувствую каждый её вздох, каждую попытку дёрнуться. Улыбаюсь. Киваю всем на прощание.

– Какая твоя? – спрашиваю, стоя около напольной вешалки, которая сейчас больше похожа на стог сена.

– Чёрный пуховик. Вот этот, – тихо отвечает.

Помогаю накинуть ей куртку. Натягиваю свою. И уже снова тянусь к её руке, но замираю... В этот момент со второго этажа, пробиваясь сквозь басы, долетает дикий крик, что разрывает чью-то глотку от охватившего ужаса. Зайка сама хватается за меня, инстинктивно прижимается. А потом резко отрывается, и её взгляд мечется по комнате.

Музыка стихает, как и голоса. Люди переглядываются в немом “чё за херня?”, а кто-то особо тупой даже прётся к лестнице на второй этаж.

– Идём, – кидаю, но сам стопорюсь.

Глаза ловят в фокус картинку: вот Шестёрка Дора поднимается по лестнице, резко останавливается. Веду взглядом на пару ступеней выше и вижу, как с самой верхней – медленно стекает кровь. Сука, да я буквально чувствую её омерзительный запах и теплоту.

Кай, ну я же просил...

Пацан оборачивается – лицо белое как мел. Он смотрит прямо на меня, и я машинально одабриваю его улыбкой – широкой, искренней, полной безудержного детского восторга, что у того по-любому пробегают мурашки по спине. Потом медленно поднимаю руку, шевелю пальцами в воздухе, машу ему на прощание. Надеюсь, он прочитает в этом, мой сигнал: *“беги или умри”*.

Разворачиваюсь, обнимаю свою трясущуюся Зайку, которая тоже всё это видела и выталкиваю её на улицу со словами:

– Не переживай. Обещаю, я трахну тебя лучше, чем тот кусок дерьма.

8. Осколок второй. Зайка

Он тащит меня как какую-то вещь. Его шаг такой размашистый, что мне приходится практически бежать за ним, скользя по снегу и буквально каждую секунду рискуя переломать ноги. В лицо бьёт холод, но внутри всё горит от страха. Смотрю на его спину, потом на стальной хват на моём запястье. Чёрт! Во что же я вляпалась? Он и тот парень... Они же...

Этот отдал приказ или дал своё разрешение. А тот, остался, чтобы...

Зажимаю рот свободной рукой, чтобы не завывать в голос оттого, что только сейчас начинаю осознавать всю ситуацию.

Взгляд цепляется за серую спортивную машину. Этот парень дёргает меня, и в этот момент в голове щёлкает: *Анфиса. Она там. Она всё ещё там.*

– Стой! – рву на себя руку, на этот раз с отчаянием, что плещется во мне. – Мне... Мне надо в дом! Моя подруга там! Отпусти!

Он даже не замедляет шаг. Только сильнее впивается пальцами в мою кожу, до ощутимой боли. Но моя паника сильнее. Упираюсь ногами в снег, выгибаюсь всем телом, как пойманная рыба на крючке, и делаю рывок. Куртка трещит по швам, но всё-таки выскальзывает из его хватки.

Свобода. На секунду. Но это шанс, и я им воспользуюсь.

Резко разворачиваюсь и бегу. К дому. К моей Анфисе. Снег летит из-под ног, падаю, отталкиваюсь руками, вскакиваю. Слышу за спиной его тяжёлые шаги, разъярённое дыхание, но не оборачиваюсь. До крыльца десять шагов. Пять... Три...

Тень накрывает меня сзади, прежде чем я понимаю, что он догнал. Сильные руки хватают меня за талию, отрывая от земли. Картинка перед глазами переворачивается с ног на голову. Взвизгиваю от неожиданности и боли, когда бедренная кость больно ударяется о его плечо. Головой свисаю вниз, а он крепко держит меня. Одной рукой за талию, второй – за ноги.

– Какого хера ты творишь?! – рявкает он громко, яростно.

Нет, он не просто кричит. Он... почти в панике? Да что же там творится?!

Этот ненормальный несёт меня обратно к машине, словно мешок с картошкой.

– Отпусти! Пусти меня, урод! – кричу, и в голосе уже настоящая истерика. Бью его кулаками по спине, рукам, шее, но он словно не чувствует. – Я должна за ней! Она там! Твой друг... он же... он же убьёт её!

– Если ты сейчас не успокоишься – я сам тебя прибью, дура! – рычит в ответ. – Сиди смирно!

Он впихивает меня в открытую дверь машины так, что я ударяюсь головой о переднюю стойку. Тут же раздаётся громкий хлопок двери. В глазах сначала – яркая вспышка, а

затем темнеет. Пока отхожу от удара, он уже обходит капот и запрыгивает на водительское, а в следующую секунду – блокирует двери.

И всё. Наружу мне не выбраться. Пара секунд тишины, и я снова начинаю просить, скулить, умолять его, чтобы отпустил меня.

Он сидит, не двигаясь, сжимая руль так, что его костяшки белеют. Дышит тяжело, через нос. Желваками играет. Потом резко поворачивается ко мне. Его глаза в темноте кажутся абсолютно чёрными. Этот дикий обхватывает моё лицо одной рукой, заставляя смотреть прямо на него.

– Ещё раз скажу, если с первого раза не дошло. Если ты сейчас же, сию секунду, не затихнешь, не сядешь ровно и не пристегнёшься этим чёртовым ремнём, – говорит теперь тихо, но каждое слово буквально чеканит, вбивая в мой мозг, точно гвозди, – Я вернусь в тот дом. И твоя подруга не просто умрёт. Она будет умолять меня о смерти. Поняла? Ты хочешь услышать, как она будет это делать? А может, посмотреть на это?

Замираю. Слезы текут по щекам сами собой, беззвучно. Понимаю. Нет, я не понимаю ничего, кроме одного: он вообще не шутит. Поэтому, молча забиваюсь ближе к двери, нащупываю ремень и пристёгиваюсь.

– Твою-то мать, Ермак! – внезапно рывкает он и вылетает из машины, захлопнув дверь с глухим щелчком.

На быстром рефлексе вцепляюсь в ручку, чтобы рвануть-

ся следом и сбежать, как тут же раздаётся сухой, металлический щелчок блокировки.

– Чёрт! – меня накрывает острым отчаянием. Дёргаю ручку снова и снова, бешено, до боли в плече, но она не поддаётся. Мечусь по салону в поисках хоть чего-то, что помогло бы мне выбраться, но ничего, абсолютно ничего нет! И какая же я дура, когда бью локтем в боковое стекло. На нём ни трещинки, а вот я вою зверем от пробивающей электричеством боли в руке.

Мне не выбраться.

Поднимаю взгляд, чтобы посмотреть, куда так рванул психопат. Он мчится к опушке леса, туда, где мелькает тёмная фигура другого парня. Дистанция сокращается с нечеловеческой скоростью. Вот он настигает. Одна резкая, подсечка – и беглец падает на землю. А потом удар. Ещё один. И ещё. Жёсткие, методичные, от которых сжимается всё внутри.

Опускаю взгляд, чувствуя, что больше ни секунды не выдержу этого зрелища. А когда вновь поднимаю глаза, вижу, что они возвращаются обратно к дому. Поднимаются на крыльцо. И как только пойманный открывает дверь, Псих толкает его в спину, а в его второй руке, блеснув, мелькает пистолет. Ещё шаг и они скрываются из виду.

Один... Два...

Кровь пульсирует в висках. И я перестаю дышать.

Три...

Раздаётся приглушённый хлопок.

Он выходит один. Спокойно, будто только что сходил за покупками или вынес мусор. Подходит к машине, и я вижу, как он небрежно, одной рукой, заталкивает пистолет за пояс джинсов. Открывает дверь, садится за руль. Его лицо ничего не выражает. Абсолютно ничего.

Прижимаюсь головой к холодному стеклу, запрещая себе смотреть в его сторону. Вместо этого, как только мы трогаемся с места, слежу за тем, как дом медленно остаётся позади.

– Телефон свой, отдай мне, – протягивает он руку. – Сумку тоже снимай и на заднее сиденье кинь.

Телефон! Бог мой, он ведь всё это время был у меня! Я могла... Должна была вызвать помощь...

Не шевелюсь. Он сбавляет скорость, прижимается к обочине, останавливается. Шарит по моим карманам, забирает смартфон. Через голову снимает ремешок клатча, дёргает на себя и бросает его назад.

– А могла бы сразу отдать, – выдыхает он.

Нет. Это какой-то кошмар. Не может всё это быть реальностью. Что ж они... Он... Что же он за чудовище такое?

Неожиданно тишину взрывает громкая музыка. Веду головой. Читая на экране название трека: Your Revolution – The Qemists.

Идеальный саундтрек к моему положению. Будто насмешка от него. И снова накрывает. Слез становится так много, что я не успеваю смахивать их рукой. Знаю, что он замечает

это. Терпит, секунд десять... двадцать... Потом вырубивает с посёлка на пустынную ночную дорогу и выдаёт матерную тираду поверх трека, такую длинную и злобную, что я натягиваю на голову капюшон и ещё сильнее вжимаюсь в дверь, словно у меня получится спрятаться от него или вовсе раствориться в воздухе.

– Мне пох на бабские слёзы, ты в курсе? – бросает он. – Можешь не тратить их. Это бесполезно.

Притихаю, стараюсь даже не дышать громко. И через какое-то время на самом деле немного успокаиваюсь. Слёзы мне не помогут. Ещё ни разу не помогали.

– Как тебя зовут? – внезапно спрашивает он, не глядя на меня. – И какого хрена ты делала на этой тусовке? Ты не из своих... Я бы знал.

В голове мелькают варианты ответов. Я не собираюсь говорить ему правду о себе. Только хочу открыть рот, чтобы заговорить, но в горле так сухо, что мне приходится откашляться.

– Тебе лучше отвечать, когда я задаю вопросы.

– Я...

В этот момент оживает его телефон, лежащий на консоли. Этот ненормальный бросает на него взгляд, потом на меня, берёт смарт и, приглушив музыку, отвечает:

– Да.

С ним явно говорит мужчина. Но мне удаётся уловить лишь отдельные обрывки: "...вызвали... да, дом Ермакова..."

уже едут... два наряда..."

Лицо парня становится каменным.

– Как давно? Блять. Сука... – он выдыхает, а под конец издаёт какое-то шипение. – Спасибо. Если что, держи в курсе.

Сбрасывает вызов и тут же набирает новый.

– Пикассо. Сваливай. Сейчас же. Уже едут в твою сторону. Да, всё. Быстро. Следы за собой прибери.

Бросает телефон. А потом я чувствую, что машина рвёт вперёд с такой силой, что меня вжимает в сиденье и внутри разрастается тяжёлый шар, что давит на органы. За окном слишком быстро мелькают огни встречных машин.

– Ты решил нас убить? – шепчу, впиваясь пальцами в сиденье. – Трасса скользкая, пожалуйста, сбавь, я тебя умоляю!

Он лишь усмехается.

– Всё под контролем. Успокойся, Зай...

Он вдруг осекается на полуслове, замерев взглядом на одной точке. А дальше, всё, как в замедленной съёмке. Я медленно поворачиваю голову и вижу слепящие фары. Прямо на нас летит машина, которая пошла на обгон фуры. Вот только водитель явно не рассчитал расстояние и скорость.

Ненормальный сбрасывает газ, но всё равно, этого недостаточно. И когда расстояние сокращается практически до минимума, он принимает решение и уводит машину на обочину.

Моё сердце останавливается.

“Не успеет, не успеет, не успеет...” – пульсирует в голове, и я тут же зажмуриваюсь.

Парень с силой бьёт по тормозам. Скрип. Машину ведёт. Меня бросает вперёд, потом вбок. Заставляю себя открыть глаза, не понимаю, зачем и почему, хватаюсь за его предплечье, словно он может нас спасти. Удар приходит сбоку. Голова дёргается, ударяется о стекло. В ушах противно звенит. И последнее, что я вижу, прежде чем сознание плывёт – это белый, чистый, снег, медленно наползающий на лобовое стекло.

“Красиво...”, – успеваю подумать, а потом наступает...
Темнота.

9. Осколок третий. Зайка

Прошрое. За день до тусовки

Его дыхание у моей шеи: противное, зловонное, с каким-то горловым хрипом, словно он из последних сил сдерживает кашель. Он выпивший.

В тишине дома слышу лишь собственную кровь, что пульсом бьёт по вискам и поднимает во мне самые тёмные мысли. И сейчас так. Взгляд ускользает в сторону – на полке стоит пожелтевшая от времени ваза, которая давно используется, как органайзер. Когда-то в ней стояли цветы. Теперь только всякая мелочь: расчёски, какие-то ручки и ножницы – старые, со следами ржавчины... *Ножницы*. Странно, что мама вообще её не выбросила – она ведь так нелепо здесь смотрится. Прямо как я.

Он снова выдыхает. Кожу болезненно покалывает. Я сжимаю пальцы в кулаки – ногти впиваются в ладони. Боль – это якорь, который не даёт мне совершить глупость. Но что, если я уже не хочу, чтобы он меня сдерживал? Что, если я хочу пойти дальше и покончить с этим?

Снова короткий взгляд на содержимое вазы. Он не ожидает от меня сопротивления, а значит, я могу успеть и нанести удар...

Стоп.

“Ильма, просто терпи, пока этому животному не надоест

веселиться. Всё равно он ничего тебе не сделает. Это только его извращённая игра с твоими эмоциями”, – мысленно успокаиваю себя. Медленно разжимаю пальцы. Делаю короткий глоток воздуха. Больше не слышу звука собственной крови.

– Вадим, отойди, – стараюсь говорить ровно, нейтрально, без дрожи в голосе, но пока не способна оценить, насколько у меня это вышло.

– Не то, что? – шепчет у самого уха и только сильнее прижимает меня своим телом к двери. – Будешь кричать? Какой в этом смысл, если никто тебя не услышит?

– А какой смысл в сотый раз приставать ко мне, если всё равно ничего не будет? Ты ничего не сделаешь мне, – машинально хочу поднять и сложить руки на груди, но вовремя понимаю, что этот жест покажет ему, что я пытаюсь защититься, отгородиться от него.

Нет, не дам ему такого удовольствия.

– О, малышка решила показать остренькие зубки? – говорит, отстранившись от меня, и проводит языком по верхнему ряду зубов. – Ты уже совершеннолетняя и в отличие от своей матери с каждым днём расцветаешь всё больше и больше.

Он хватает меня за запястье, дёргает вперёд и прикладывает руку к своему твёрдому паху. Хочет, чтобы я почувствовала его желание. Ждёт, что в моих глазах вспыхнет неистовый страх.

И добивается желаемого. *Страх с примесью тошноты –*

отвратительное сочетание.

– Если ты тронешь меня, то...

– То что? Что твоя мать может мне сделать? – он бросает это, но его пальцы на моём запястье всё же не сжимаются до хруста, как было в прошлый раз. Он в гневе оттого, что я ткнула в большую мозоль. Ограниченность – вот что он чувствует сейчас. Как пёс на цепи, который знает длину своего поводка.

И именно это придаёт мне уверенности и сил.

– Ровно то, что она уже делает. Ведёт всю твою грязную бухгалтерию, – говорю, выдерживая ровный и даже ленивый тон.

Перестаю сопротивляться его хватке, позволяя руке безвольно повиснуть. Не сдаюсь. Это демонстрация. Смотри, как мало тебе нужно усилий, чтобы удержать эту пустую оболочку. Уже не так весело, да?

Его лицо искажается в гримасе ярости. Я попала в нерв. Приподняла крышку и перемешала зловонный компост.

– Я могу сорваться с этой привязи. Например, прямо сейчас, – шипит он. – Доченька...

А в следующую секунду его язык скользит от моего уха к щеке.

Морщусь от этого слова, от касаний, от судорожного спазма желудка. Закусываю губу и отворачиваю в сторону голову. Ваза. Ножницы. Близко. Всего на расстоянии вытянутой руки.

Одна секунда на принятие решения.

– Я тебе не дочь и никогда не была ею, – рычу, дёргаясь в сторону. Мысли уже отключены. Хватаю ножницы и не глядя быю ими сожителя моей матери. Металл входит во что-то мягкое и сразу становится частью его тела, а не моей руки. Глухо вскрикиваю, мгновенно разжимаю пальцы, отглатываю его от себя, и ноги сами несут меня, по коридору, в мою спальню. Вот только я слишком поздно понимаю, что бегу не к спасению, а в капкан, который сама и выбрала.

Влетаю. Дверь хлопает с таким звуком, что стёкла в оконных рамах трещат. Поворот замка. Прижимаюсь к деревянному полотну, до боли, впиваясь в него лопатками. По вискам, спине, стекают капли липкого, холодного пота, а сердце напоминает дробный грохот колёс товарного поезда. Панически осматриваю пространство вокруг себя. Рвусь к письменному столу, крепко хватаюсь за края идвигаю его к двери. Тяну, толкаю. Скрежет по полу отдаётся в зубах, и я тут же их стискиваю. Дура, знаю. Глупо надеяться на то, что эта жалкая баррикада из ДСП меня спасёт. Она лишь покажет ему, как сильно я боюсь.

– Ильма, открой мне дверь, маленькая, – Вадим говорит притворно спокойным голосом.

– Оставь меня в покое, пока я не... Я вызову полицию! – срываюсь, повышая голос.

– Ой, да? А знаешь, давай! – бросает со смешком. – И что ты им скажешь? Ильма, помни: мы – семья. И если будет

тонуть один... он утащит за собой остальных. Пожалей свою мать.

Молчу. Он тоже.

А потом... Он грохает кулаком по двери с такой силой, что я вздрагиваю, а сердце подпрыгивает к горлу. Ещё удар. Сажусь на пол, прижимаясь спиной к боковой стенке стола, и упираюсь ногами в пол. Нет. Он не сможет зайти. Не получится. Прижимаю лоб к коленям, зажмуриваюсь и закрываю уши. Теперь всё, что я слышу это свой собственный пульс.

Не знаю, сколько я так сижу. Может, пару минут. Потом осмеливаюсь и убираю руки, прислушиваясь к звукам за дверью.

Тишина.

Глухая, гнетущая, заставляющая на полную раскручивать мою фантазию.

Он ушёл? Или просто замер за дверью и ждёт, когда я выйду?

Медленно позвонок за позвонком, отрываю спину от стола, выглядываю из-за него. Стараясь двигаться бесшумно – встаю на колени, цепляюсь за стол и поднимаюсь на ноги.

На носочках подкрадываюсь к двери, задерживая дыхание. Прижимаю ухо к прохладному дереву. Ничего. Хотя нет. Ключ в замке. Щелчок. А после быстрые шаги, хлопок двери и шум воды.

– Я дома! – раздаётся голос мамы. Звонкий и весёлый.

Перевожу взгляд на баррикаду. Тут же бросаюсь к ней,

отодвигая стол обратно. За этим меня и застаёт мама.

– Ильма? Что ты делаешь? – спрашивает, заглядывая в дверной проём. Её взгляд скользит по комнате – по столу, по сдвинутому стулу, по полу. На мне он задерживается всего на секунду. – Что это? – Распахивает дверь шире и проходит.

– Решила перестановку сделать, – выдавливаю из себя хриплым голосом, прочищаю горло. – Надоело.

Мама медленно кивает. Ведёт пальцем в сторону окна и говорит:

– Поставь туда, я давно тебе говорила, что там для него самое лучшее место.

– И здесь неплохо, – говорю, делая последний толчок, передвигая стол к стене.

– Вот же упрямая, – качает она головой, выходя из моей комнаты. – Ужин будет примерно через час.

И уже на ходу добавляет:

– Я курицу замариновала ещё с утра, как ты любишь.

Стою, слушая, как её шаги становятся все тише, теряясь где-то в глубине дома. Подхожу к двери, выглядываю в коридор, а потом закрываюсь. Так спокойнее.

Ложусь на кровать, забираясь под одеяло, и прокручиваю всё, что произошло за последние полчаса. И сама не замечаю, как проваливаюсь в сон.

Мне снится прошлое...

День рождения

Неизменный запах столовой и мокрой одежды в раздевал-

ке садика. Бабушка закутывает мне шею шарфом, так туго, что тяжело дышать – я морщусь нос, но терплю. Сегодня особенный день. Мне исполнилось шесть лет. И я жду подарков.

Всю дорогу до дома иду в предвкушении, а потому не жалею, что устала. Наоборот, ноги сами несут меня вперёд бабушки.

Спустя пятнадцать минут мы подходим к дому. Я смотрю в окна и не могу понять, почему не горит свет. Неужели никого нет?

– Мама с папой ещё на работе? – поднимаю голову, чтобы заглянуть бабушке в лицо.

– Да, родители сегодня задерживаются, Ильма, – отвечает она, открывая передо мной дверь подъезда.

Глаза начинает жечь, а щёки загораются – появляется нестерпимое желание заплакать. Но я иду, считая каждую ступеньку. Почему-то всегда так делаю.

Бабушка, слишком долго открывает дверь, а когда делает это, то квартира встречает нас тишиной и темнотой. Почему-то настораживаюсь, сжимаю её руку.

– Не бойся, зайчонок, – шепчет она со смешком, делает шаг вперёд, щёлкает выключателем. И взрыв. Летят конфетти и какие-то разноцветные ленточки.

– С днём рождения!

Из-за угла выскакивают мама, папа и дедушка. Я визжусь от восторга и одновременно плачу от переизбытка эмоций,

прыгаю на месте. А потом папа поднимает меня на руки и пару раз подкидывает в воздух.

– Так, а теперь быстрее раздевайся, мой руки и за стол.

И я делаю всё это со скоростью света. Ещё бы! Ведь перед глазами уже стоит образ любимого торта и ярких коробочек с подарками внутри.

За столом мне дарят куклу. Ту, о которой я мечтала очень долго. А ещё – плюшевого зайца, у которого одно ухо прищипнуто, а на шее красуется милый разноцветный бант. И большой, ярко-розовый фургон на колёсах – дом для моей куклы. Ну а я... смотрю на всё и решить не могу, за что хвататься первым. Так счастлива, что снова хочется плакать. И я плачу.

Внезапный звонок в дверь, заставляет меня вздрогнуть. Слезы мгновенно высыхают, и я смотрю на папу, который широко улыбается.

– Кто это? – спрашиваю, обнимая куклу.

Папа переглядывается с мамой, а потом хитро подмигивает мне.

– А это, Ильма, ещё один сюрприз. Самый главный. Идём встречать?

Неужели... Щенок? – вспыхивает догадка.

Он протягивает мне руку, и я вкладываю свою. Ладонь папы большая, тёплая, немного шершавая, а если понюхать – пахнет машинным маслом. Мы идём по коридору, и с каждым шагом сердце всё быстрее колотится от щекотливого

предвкушения. Мама, бабушка и дед стоят у входа в кухню и о чём-то шепчутся, но мне совершенно их неслышно.

Папа отпускает мою руку, тянется к замку и поворачивает его. Тянет ручку на себя.

По ногам веет сквозняком, а в нос бьёт типичный запах сырости из подъезда.

Первое, что я вижу: чёрные ботинки и такие же чёрные штаны. И куртка. И даже странная шапка, что полностью закрывает лицо. Только узкая полоска для глаз. (Каждый раз, видя этот сон, мне кажется, что это глаза Вадима). Они смотрят не на папу. На меня. Всего одну секунду. Пусто и безразлично.

Улыбка папы ещё не успевает слететь с лица, как он делает шаг вперёд.

– Ильяма...

Человек в чёрном плавно вытягивает руку. В ней... что-то... Тоже тёмное. Он касается им лба моего отца.

Раздаётся звук. Тихий. Глухой. Совершенно незнакомый.

Глаза папы становятся огромными, словно он очень удивился. А потом он медленно опускает голову. Мне кажется, что его глаза ищут мои...

Тьма. Почему? Кто-то снова выключил свет? Папа?

Пап?..

Совершенно ничего не вижу, но отчаянно шарю в пространстве вокруг себя руками, в попытках найти отца. Что-то глухо падает о пол. Голоса мамы, бабушки и деда.

*Они кричат? Но что? Почему я не могу разобрать слов?
Почему так темно?..*

Я вздрагиваю и просыпаюсь. Одеяло сбито на пол. В комнате – кромешная темнота, и я резко дёргаю рукой, щёлкаю по выключателю ночника.

– Ильма, ужин готов!

Не отвечаю. Понимаю, что надо что-то сказать, но рот не открывается. Сажу на кровати, считая вдохи, пока сердце, наконец, перестаёт колотиться так, точно сейчас выскочит. Я спокойна. Можно вставать.

10. Осколок четвертый. Зайка

Прошрое. За день до тусовки

Появляясь на кухне, не смотрю на Вадима, но чувствую, что он пристально следит за каждым моим движением.

Мама намеренно громко ставит на стол тарелку и, подняв бровь, вопросительно смотрит на меня, потом переводит взгляд на Вадима и говорит:

– Что вы опять не поделили? Держите меня за идиотку? – давит тоном. – Ну, что опять?

Вадим аккуратно протыкает вилкой курицу и отрезает от неё кусочек. Поднимает взгляд из-под бровей, глядя на меня так, что по спине бегут колючие мурашки.

– Так и будете молчать, будто воды в рот набрали? – мама упирает руки в бока.

Я сажусь, беру стакан с водой и делаю глоток. Даю себе время на то, чтобы подумать над ответом.

О, сказать маме, что Вадим домогается меня – бесперспективное дело. Плавали, знаем. Она настолько его любит, что его похотливый взгляд для неё – проявление заботы. А его руки на мне – случайность или моя же провокация. Всегда так. Её любовь к нему – это непробиваемая броня, сквозь которую не прорваться ни криком, ни фактами.

Вадим кладёт кусочек курицы в рот, тщательно его пережёвывает, а затем хмыкает и, тыча в мою сторону вилкой,

говорит:

– Я просто сказал Ильме, что летом мы переезжаем и ей придётся сменить университет. Ну либо и дальше оставаться в этой дыре. Без перспектив.

Переезд? О чём он? Ничего такого он мне не говорил.

Открываю рот, чтобы выкрикнуть “ложь!”, но звук застревает где-то в пищеводе, превращаясь, в тихий выдох. Опускаю руку и сжимаю пальцами край стула до боли под ногтями.

– Что? Боже, Вадик, зачем ты это сделал?! Я ведь сама хотела! – мама всплёскивает руками, переводит виноватый взгляд на меня. – Доченька... мне предложили работу. Зарплата очень хорошая, премии... – слова льются потоком, а глаза бегают от меня к Вадиму и обратно.

Внутри меня всё леденеет. Но этот слой льда такой тонкий, что тут же начинает трещать и рушиться.

– А как же... – собственный голос звучит чужим. Слишком хриплый, слишком искусственный. – Как же папины СТО?

Повисает тишина. Я знаю, что слово “папа” у нас под запретом. Его нельзя вспоминать. О нём нельзя говорить. Но... как я могу сейчас молчать? Эти СТО... были делом его жизни.

Мама моргает, словно я только что зарядила ей пощёчину. Её взгляд становится стеклянным, замирая на одной точке. Всего несколько секунд. А потом она берёт себя в руки.

Сжимает и разжимает пальцы в кулаках, тянется, открывает от веточки винограда ягоду и кладёт её в рот. Жуёт, не торопясь, даёт себе время, чтобы успокоиться. И когда ей это удаётся, её взгляд, обращённый ко мне, уже другой.

– СТО, Ильма, – говорит Вадим, растягивая слова, как будто разговаривает с маленьким несмышлёным ребёнком.

– Выставлены на продажу.

– Что?! – вскакиваю со стула. – Кто позволил?!

– Мы с твоей мамой пришли к этому решению. Да оно было непростым. Но нам надо двигаться дальше.

– Дочь, есть какие-то вещи, которые нам дороги, но чтобы двигаться вперёд, их нужно оставить в прошлом. Мы выбрали перспективы, рост, счастливое будущее.

– Я никуда не поеду, – твёрдо говорю, смотря маме в глаза.

– Ильма... – голос мамы звучит, как укор.

– Чья это была идея? Его? – взмываю в воздухе рукой, указывая на Вадима пальцем. И всё понимаю. Усмехаюсь. – Ну конечно, его, – качаю головой.

– Сядь, – спокойно говорит он, но голос звучит властно, не терпя возражений. – Сядь, возьми чёртову вилку и ешь. Твоя мать старалась, готовила ужин, не для того, чтобы ты устраивала истерику за столом.

Первый порыв – просто уйти в свою комнату. Но я всё же падаю на стул. Хватаю вилку, вдавливаю её в пюре, представляя, что это плоть отвратительного ублюдка, что сидит напротив.

– Ильма, понимаю, ты не готова была к этой новости, но поверь, всё только к лучшему. Большой город. Да, на деньги от продажи СТО, Вадим планирует открыть новый сервис. Автотюнинг. Полный комплекс. Люкс услуги. Это перспектива, – её голос льётся сладким сиропом.

Ну а мне... просто противно.

Вонзаю вилку глубже. Пюре выдавливается по бокам, как белая глина. Сердце бьётся где-то в висках. Хочется сжать их руками и зажмуриться. “На деньги от продажи СТО”. Папины деньги.

– Он планирует, – произношу со смешком. Поднимаю глаза на Вадима. Он сидит, откинувшись на спинку стула, одна рука на столе, пальцы ритмично постукивают по столу. Он наслаждается моментом. Ликует. – Да уж. Своих-то денег нет. Никогда не было. Поэтому и планирует строить бизнес на деньги моего отца. Удобно.

Мама аж подпрыгивает на месте.

– Ильма! Что за разговоры! Это просто имущество! Которое Вадим, между прочим, много лет развивал, расширял и приумножал! Да если бы не он... Неизвестно, как бы я вообще справилась со всем! – её голос дрожит, на грани. – Чтобы я больше не слышала от тебя подобных слов, поняла меня?!

Перевожу взгляд на Вадима.

– Иногда мне кажется, – говорю спокойно, не отводя глаз. – Что ты просто очень удачно оказался рядом, – делаю паузу. – В нужный момент. В нужном доме. В нужной семье.

Он перестаёт постукивать пальцами. Его лицо не выражает ничего, кроме интереса. Но я знаю, что внутри него плещется ярость. Просто при маме, он её не покажет.

– Ильма, – говорит он мягким, бархатным голосом. – Твоя буйная фантазия заводит тебя слишком далеко. Ты была маленькой. Память любит путаться, – чуть склоняет голову. – В тот день в ваш дом ворвался грабитель. Страшная трагедия, понимаю твою боль, – выдыхает он. – Но мой тебе совет: прекрати видеть везде монстров. Так можно и в дурке поселиться.

– Простите, – мама нервно хватая несколько салфеток и выбегает в коридор, оставив меня с ним наедине.

Сiju, жду, когда Вадима прорвёт. На всякий случай крепче сжимаю в руке вилку. Но он позволяет тишине давить на меня, а страху разрастись до тошнотворного кома в горле. И вот, он немного подаётся вперёд.

– Ты долбанушка, совсем поехала крышей?

Сама не знаю. Возможно. Просто тот сон, который повторяется. И каждый раз одно и то же. Те глаза. Сейчас я и сама понимаю, какой бред только что сморозила. Мама наверняка расстроена и плачет. Но...

– Я слишком долго делал вид, что ты ещё ребёнок, – говорит тихо. – Хоть это давно не так.

Он скользит по мне похотливым взглядом, отчего хочется сорваться, убежать в ванную и отмыться от этого липкого ощущения.

– Пора взрослеть, Ильма. И поверь, первый раз запоминается. Особенно если ты его не выбираешь.

Из коридора доносятся шаги мамы, и он снова откидывается на спинку стула. Его лицо становится пустым, скучающим, почти сонным.

– Пока мамочка не видит... – он складывает пальцы в кулак и хлопает по нему ладонью. – Ты будешь моей. Скоро... Очень, очень, скоро, – берёт вилку, снова начинает есть. Как ни в чём не бывало.

Я вскакиваю, убегаю в свою комнату, хватаю телефон, чтобы позвонить Анфисе, и тут же всё ломается. Пол уходит, изображение дрожит и рассыпается рябью. Боль в голове взрывается так, что темнеет в глазах. Где-то рядом говорят. Но эти голоса не принадлежат Вадиму или маме...

11. Осколок пятый. Зайка

– Спасибо, что дотащил. Бабки потом вкину, – до сознания долетает смутно-знакомый голос.

– Да, о чём вопрос! – врезается в голову второй голос. Незнакомый. – О деньгах и речи быть не может.

– Накину с запасом. Но давай договоримся сразу. Ты сегодня занимался своими делами, со мной вообще никак не пересекался. Сотри себе память за последние два часа.

Мужчина откашливается. Потом повисает недолгая пауза.

– Я понял. Спасибо. Как решишь, что делать с машиной – звони. Или к нам в сервис отгону, или на продажу её. Повреждения серьёзные, но не тотал.

– Потом обсудим. Всё, давай топай отсюда, – бросает с лёгким раздражением обладатель знакомого голоса.

Слышу, как чьи-то шаги удаляются. Затем хлопок двери и отдалённый звук запустившегося двигателя и отъезжающей машины.

Наступает тишина. Я даже мысленно начинаю отсчитывать секунды, но сбиваюсь, когда слышу, как чиркает зажигалка. Самое странное, что я до сих пор так и не открываю глаза. Наверное, боюсь увидеть, что нахожусь, где-нибудь на окраине рядом с канавой, в которую меня сейчас бросят подышать. *Но сначала убьют*, само собой.

От этой мысли сердце начинает колотиться чаще. Страх

накрывает ледяной волной, и я чувствую, как на позвоночнике выступает пот. Вжимаюсь спиной в сиденье, но тут же чувствую, как тело простреливает болью в районе плеча. Чёрт... Лучше бы не шевелилась.

Спустя несколько минут, дверь открывается и в салон врывается прохладный поток воздуха, смешанный с... Сигаретным дымом, едва уловимым ароматом парфюма с перечными нотками и просто мужской запах. Его запах.

Сначала ничего не происходит от слова совсем, а потом он наклоняется, проталкивает одну руку под моими коленями, а второй, ныряет за спину, скользит по рёбрам и обхватывает под грудью. Вытаскивает так легко, будто я ничего не вешу. Но вдруг останавливается, издавая какой-то странный грудной рык. Инстинкт срывает раньше мысли: дёргаюсь, пытаюсь вырваться, но его хватка – стальная. И конечно же, мои трепыхания сразу отдаются резким прострелом боли в висок.

– Тш-ш-ш... – его голос звучит прямо над ухом, не как до этого. Сейчас в нём нет тех звериных ноток. – Веди себя хорошо. И никаких проблем не будет. Поняла?

Не отвечаю. Просто бросаю на него короткий взгляд и сразу отворачиваюсь.

– Идти сможешь сама?

– Да. Наверное... – хриплю, упираясь ладонью в его грудь, и заранее тяну носок.

Он сразу же ставит меня на бетонный пол. Начинаю огля-

дываться, после чего делаю вывод, что мы находимся в подземном паркинге жилого дома. Его машина стоит боком. Вид у неё... потрёпанный. Передний бампер смят и частично расколот, фара полностью разбита. Вмятина на двери с той стороны, где я сидела. Лобовое стекло покрыто паутиной трещин.

– Твоя машина... больше не на ходу? – спрашиваю его. Хотя какое мне до этого дело.

Он всё ещё поддерживает меня под руку, но отступает на шаг в сторону.

– Не совсем, – бурчит, разглядывая повреждения без каких-либо эмоций. – Нас на тресе дотянули.

Киваю. Видимо, это был тот мужчина, с которым он разговаривал.

– Где мы? – задаю ещё один вопрос, всё ещё хриплым голосом. Кажется, я просто его сорвала сегодня.

Этот тип отводит внимание от машины и поворачивается ко мне. Снова смотрю на его лицо, которое при этом освещении, кажется, высеченным из камня. И быстро опускаю взгляд. Но каждым волоском на теле чувствую, что он изучает меня.

– Разве это так важно? – наконец произносит и слегка тянет за собой, делая шаг вперёд.

– Отпусти меня, – говорю тихо, почти беззвучно. – Пожалуйста. Я... Я ничего не скажу. Клянусь. Я даже не помню дорогу к тому дому. И никого там не знаю. Да и не поняла,

что произошло, – тараторю, как заведённая. Снова поднимаю взгляд и замираю на месте от того, как он смотрит на меня. – Прошу...

Вздыхает. И в этом, вся его усталость и раздражение от меня.

– Нет, – качает головой, его взгляд становится тяжёлым, нечитаемым. – Ты всё равно, видела и знаешь слишком много, чтобы тебя отпустить. Так что... забудь.

– Но я... – начинаю, не зная даже, что хочу сказать. – Что ты со мной сделаешь?

Он искоса смотрит, наклоняет голову вбок, и тянет уголок губ вверх.

– Оставлю тебя себе. Ты милая игрушка. Жмякалка-антистресс.

Неадекват сказал это таким тоном, словно я и правда какая-то вещь. Даже хуже – смятый фантик, который он пинает по дороге, а потом, когда надоест, запнёт подальше к урне. Я просто что-то незначительное.

Сжимаю руку в кулак, меня хватает просто дикий ужас, и именно он разжигает пожар в моей груди, который я не могу сдержать, и он рвётся наружу.

– Поздравляю с приобретением, – говорю с сарказмом. Да, мой страх в данную минуту полностью перекрывает злость. – Только предупреждаю, игрушка бракованная. И легко ломается. Вообще-то, уже сломана.

Ментально, так точно. Я сломана очень давно.

Его полуулыбка превращается в откровенную, зубастую усмешку. И он даже не скрывает, своего удовольствия от того, в какое русло пошёл разговор. Для него будто началась какая-то игра.

– Бракованную и сломанную я как раз и люблю, – опускается его голос, и он подаётся чуть ближе. – Интереснее читать. А если не получится... – делает паузу, его взгляд скользит по моему лицу, потом ниже, ещё ниже... как бы оценивая поломки. – То всегда можно разобрать на части. Выбросить ненужные детали. Заменить на новые. У тебя, например, слишком громкий и говорливый ротик. Его можно было бы заменить. А вот глазёнки... – подходит почти вплотную и надавливает пальцем на кожу под моим глазом, жест странный, неприятный. – Их я бы пока оставил. Они так искренне боятся, что это не может не нравиться, – отводит руку в сторону и разворачивается, исчерпав весь свой интерес ко мне.

Набираю полную грудь воздуха. И это так глупо. Я что, в самом деле готова сейчас заверещать на весь паркинг?

Ожидаемо он быстрее меня. Резким рывком вновь оказывается около меня и прикладывает палец к моим губам, заставляя замолкнуть. И в эту же секунду двери лифта открываются, и из него выходит пожилая пара.

– Здравствуйте, – кивает нам мужчина.

– Здравствуйте, – нейтрально отвечает тот, у кого я, кажется, в заложниках.

Вот он шанс. Подать знак, попросить о помощи, сделать

что-то для своего спасения. Но тогда он просто убьёт их и погибнет ещё больше невинных людей. Не сомневаюсь, что убьёт. Поэтому выдаю дежурную улыбку и покорно захожу в лифт. Ненормальный следом за мной. Нажимает кнопку двенадцатого этажа, после чего двери плавно закрываются, отсекая мою веру в побег.

Смотрю в своё отражение в металлических дверях: я бледная, с синяком и небольшой ссадиной на скуле. Рука сама тянется вверх, касаясь этого места. Кажется, завтра станет ещё хуже. Боковым зрением ловлю его внимание. Он не просто наблюдает, а буквально прикован ко мне взглядом. Не могу удержаться и поворачиваю голову в его сторону.

И вдруг... Я словно ему какой-то сигнал к действию подала.

Он отталкивается от стены, так быстро, что я не успеваю даже отшатнуться в сторону. Хватает меня, разворачивает и грубо прижимает спиной к холодному металлу. Вскрикиваю от неожиданности, но мой голос обрывается, как только его пальцы обхватывают мой подбородок, жёстко фиксируя голову.

Мы смотрим друг другу в глаза. Прямо. Не моргая. А потом... Он начинает приближаться. Медленно. И когда между нашими лицами практически не остаётся расстояния, чувствую, как его дыхание, горячее, влажное, касается моей кожи, сначала у виска, потом около губ.

Первый порыв – толкнуть его в грудь и рвануть. Но куда,

если мы заперты в железной коробке?

Второй – закричать, в надежде, что меня кто-то услышит. Но уверена, он не позволит издать мне и писка.

В итоге непонятно почему – закрываю глаза. Всё тело обмякает в его руках, становясь тяжёлым, податливым. И я сдаюсь. *Не отталкиваю его, не кричу.*

И в следующее мгновение его губы касаются моих.

12. Фрагмент седьмой.

Сортировщик

Зайка не сопротивляется. Совсем. Не толкает, не кусает, не отворачивается. Просто стоит, обмякшая, с закрытыми глазами, как будто её душа на мгновение выскользнула из тела, оставив только тёплую, податливую оболочку. Отрываюсь от её сочных губ и пиздец, как вкусных губ, делаю шаг в сторону; приваливаюсь спиной к стенке лифта, чувствуя разочарование. Не, это не поцелуй. Она вообще закрыта. А эта податливость пронизана притворством.

Глупая. Я ведь уже видел её настоящую.

Почему привёз сюда?

У меня не было времени думать над тем, куда тащить её, поэтому принял простое решение – везти в эту квартиру. Банально ближе всего была.

Матери там уже давно нет. Нигде нет, если быть точным. Да и квартиру купил для неё мой приёмный отец, не она. Ни одного её предмета, ни одного воспоминания в тех стенах нет. Просто бетонная коробка с дурацкой привычкой называть её: “мамина квартира”.

Лифт плавно останавливается, а внутри всё равно простреливает. Болью, сука. Такой, что выворачивает наизнанку и хочется поскорее опустошить желудок.

Моя первая авария. Кстати, пока тащило по снегу, был уверен – не сдохну. Рано ещё. Да и вроде как, не планировал. Но да... не без последствий. По-хорошему, мне бы к Доку наведаться.

Подходим к двери. Зайка оглядывается по сторонам. Смотрит на другие двери, наверное, оценивает свои шансы, если завершит: “спасите, убивают!”. Я же просто открываю приложение в телефоне и с помощью него отрываю квартиру.

Слегка подталкиваю её в спину, вынуждая пройти внутрь первой.

Снимаю со своего плеча её сумочку, которая всё это время была у меня. Вешаю на дверную ручку. Я уже проверил вещицу, и ничего интересного там нет: помада, складная расчёска, зеркальце, ежедневка, ключи и пара тысяч наличкой. Жаль, я хотел найти паспорт или хотя бы банковскую карту с её именем.

Также сам расстёгиваю её куртку, проверяю карманы. В правом внутреннем – жёсткий прямоугольник пластика. Вытаскиваю. А вот и банковская карта. Мельком бросаю взгляд на дизайн, не всматриваясь в имя. Ещё один кусочек её. Без раздумий толкаю в свой карман, к телефону. Разберусь с этим потом, а то она и так трясётся как осиновый лист. Помогаю снять куртку. Движения бытовые, безразличные. Внешне. Внутренне – рассматриваю её, зачем-то запоминаю каждую родинку. Их немного. Но каждая, находится на таком

месте, что... Да, чёрт возьми, возбуждает. Хочу рассмотреть её всю. Каждый сантиметр кожи.

Небрежно отбрасываю её куртку на банкетку, стоящую у стены – сверху летит моя.

– Разувайся, – бросаю, упираясь носком в пятку, и скидываю кроссовку. Затем вторую. И первым ухажу вглубь квартиры, не переживая о том, что она сбежит. Замок электронный, изнутри просто так его не открыть.

Прохожу гостиную и сразу вываливаю на балкон. Ночь. Город. Ничего лишнего. Беру с полочки пачку сигарет, зажигалку – прикуриваю. Стою, смотрю, на высокую трубу котельной Мелькомбината.

Опускаю взгляд на маленькую красную точку и тоненькую струйку дыма, что поднимается от сигареты. Машинально трогаю левый бок и усмехаюсь, вспоминая последний час... полтора.

Когда мы улетели на тачке в кювет – на какое-то время, я тоже вырубился. Несколько минут, не больше. А вот потом – самое абсурдное. Сознание начало возвращаться под идиотски-жизнерадостный трек.

“I’m walking on sunshine, woooah!”

Да. Сквозь звон в ушах и тупую, растущую волну под рёбрами в мозг врезалась эта песня. Katrina & The Waves. Серьёзно, блять?

Да я только из-за этого воскрес и резко открыл глаза. Но нихрена толком не было видно, потому что морда тачки пол-

ностью ушла в снег. А в боковом... да ночь, вообще-то. Звёзды. Небо синее. В общем, в салоне был только тусклый свет “головы” и тот ёбанный саншайн саундтрек, как какая-то издёвка надо мной.

Сказать, что я охуел, это ничего не сказать. Потому что я выхуел.

И первым же порывом было заткнуть этот треш. Попытался и тут же пожалел о том, что решил пошевелиться. Ощущение было, словно мне нож вогнали под грудную клетку. Сразу понял – ребро сломано. Минимум одно. Возможно, два. Медленно, преодолевая спазм, повернул голову. Зайка была рядом. По бьющемуся пульсу на венке, проходящей по её шее, было видно, что живая, но в отключке. Это обрадовало.

Перевёл взгляд обратно к центральной консоли и ненадолго прикрыл глаза.

Превозмогая боль, достал из-за пояса пистолет, об который, скорее всего, и сломал рёбра. Обхватил его поудобнее и со всей силы, коротким тычком ударил рукояткой по экрану.

– Да заткнись ты, Катрина! – рыкнул на нервяке.

Пластик треснул. Но злобучая мелодия не прервалась. Серьёзно? Ты ещё работаешь?

“And don't it feel good!” (И разве это не приятно!)

– Сука... – прохрипел. – Ты чё, прикалываешься?

Мне просто нужна была тишина. Немедленно.

Отвёл руку, переводя пистолет в боевой режим. Звук за-

творца на секунду приятно перекрыл идиотское пение. Я прицелился... И опустил ствол. Снял с предохранителя большим пальцем и плавно передёрнул затвор, лоя рукой вылетающий патрон. Вложил его в магазин.

Выстрел был бы красивее. Но это было бы не лучшим моим решением. Поэтому я снова поудобнее обхватил рукоять и несколько раз ударил по экрану.

От моих рывков боль в рёбрах просто меня размазала. Зато...

Наступила тишина.

– Так-то лучше, – выдохнул, роняя руку с зажатым в ней пистолетом себе на колено.

И только тогда начал оценивать обстановку. Тачка стояла криво в сугробе. Но я очень надеялся, что она не в фатальном состоянии, потому что мне и моей Зайке, надо было как можно скорее свалить оттуда. Поэтому первое, что я сделал – позвонил Доставщику с “фермы”. Объяснил, где я примерно нахожусь, и сбросил вызов.

Моя Зайка, так и лежала без сознания. Я даже про себя пошутил, что сон у неё отменный, но... В итоге потянулся рукой, проверил пульс и убедился, что дышит она ровно. Потом открыл дверь, утонул ногами в рыхлом снегу и медленно, очень медленно выпрямился, держась за бок. В целом, было терпимо. Дерьмово, но терпимо.

Только потянулся за пачкой сигарет, как вдали показался свет фар. Машина летела на бешеной скорости, и почему-то

я сразу подумал об Уборщике. Ну потому что, у кого ещё будет так подгорать, как не у него. Я был уверен, что он сейчас на лютом адреналине. Оторвался парнишка. Сука. Убить его хотелось. Договаривались же, не перегибать.

Через несколько секунд мимо меня на самом деле пролетел Кай. На короткое мгновение наши глаза даже встретились.

Но что сказать. Я стоял как полный обсос, смотрел вслед исчезающим задним фонарям.

– Хоть бы остановился, – пробормотал тихо. – Ёбаный ты Художник. Будешь подыхать, мимо пройду. Не... допинаю, тебя, гада.

Доставщик подгрёб спустя двадцать минут на небольшом грузовичке. Подцепил трос, к моему убитому Ниссану и без лишних вопросов дотащил до города.

Весёлая ночка получилась.

Уже представляю разговор с отцом. Он будет в истерике волосы на затылке рвать и орать так, что капилляры в глазах полопаются. Затягиваюсь последний раз. Беру с небольшого выступа в стене пивную банку и бросаю в неё окурок, после чего иду в гостиную лишь с одним намерением – получить то, что я и хотел. Трахнуть её. Жёстко. До искр перед глазами. Чтобы кричала на каждом толчке в неё. Чтобы у неё не осталось сомнений, кому она теперь принадлежит и должна быть благодарна за жизнь.

Переступаю порог, и тут же нахожу её глазами.

– За мной.

13. Фрагмент восьмой.

Сортировщик

Её рука холодная как лёд. В самом деле, не удивлюсь, если она ещё раз отключится.

Ускоряю шаг и, подходя к кухне, пропускаю её вперёд. Открываю шкафчик, беру высокий стакан и наливаю в него воду.

– Выпей. На тебе лица нет. Не хочу, чтобы ты снова вырубилась, – говорю, протягивая ей стакан, и сразу отхожу, чтобы она немного расслабилась.

Смотрит на меня совершенно пустыми глазами. А я хочу видеть те, что меня буквально примагнитили к себе. Там... в доме. Как же раздражает.

Ну же, вернись.

Зайка подносит стакан к губам. Рука дрожит, но она всё равно делает глоток.

Я стою напротив, прислонившись к столешнице, и смотрю, ловлю даже самое маленькое изменение в её мимике. При этом гоняю в голове мысль о том, зачем я вообще забрал её и притащил к себе. В квартиру матери.

“Потому что захотел” – ответ всплывает сам собой.

Захотел нажать себе проблем. Потому что она, теперь проблема. Слишком много знает. Слишком много видела. И

если не дура, а она не дура. То Зайка – это ходячая бомба.

Но, я не хотел... Не хочу, чтобы её не стало.

Отталкиваюсь и делаю шаг к ней.

– Мне нужно сбросить напряжение, – продавливаю приказным тоном. – И ты мне поможешь.

Это правда. Всё внутри скручено в тугой, раскалённый узел после сегодняшнего. И эта энергия ищет выход, несмотря на боль. Я буду аккуратен. А если не выйдет, всегда есть другие способы, как снять напряжение. Такие, что мне даже не придётся особо двигаться.

Она замирает, переваривая то, что я сказал. Минуту. Может, две.

– Я... – голос срывается, и она тут же сжимает пальцы вокруг стакана. – Я не могу...

Что?

Заношу ногу для следующего шага, но останавливаюсь. Удивлённо смотрю, вскинув брови.

“Не могу”? Моя Зайка не понимает, что это не просьба?

– Почему не можешь?

Мне даже любопытно её послушать. Что, вера не позволяет? “Эти” дни? *Ну, давай. Удиви меня.*

– Потому что... – спотыкается на фразе, делает последний глоток и ставит стакан на стол. – Потому что я никогда...

Склоняю голову в предвкушении её ответа. Не тороплю. Что за “никогда” может остановить её?

– Никогда что? – не выдерживаю затянувшейся паузы.

Она закрывает глаза. Всего на секунду. А потом выпаливает:

– Я девственница.

Молчание повисает в воздухе, густое и тягучее. Смотрю на неё по-новому, переосмысливая каждый её жест, реакцию, взгляд.

Действительно? А ей сколько лет вообще? С такой внешностью и никто не раскрыл этот бутончик?

– Серьёзно?

Она кивает.

Сокращаю между нами расстояние до минимума. Обхватываю ладонью её подбородок, касаясь большим пальцем губ. Сминаю их, отодвигаю нижнюю, оголяя зубы. Такая беззащитная, податливая. И... лжёт мне прямо в глаза. Или нет?

– Ты понимаешь, – говорю тише, – Что это ничего не меняет?

Это правда. Мой голод никуда не делся. Напряжение не ушло. А если она на самом деле девственница, это лишь подливает масла в огонь. Потому что я хочу быть её первым.

Она качает головой.

– Меняет, – отвечает дрожащим голосом, цепляясь пальцами за столешницу позади себя. – Хотя бы то, что я сказала тебе правду.

Ах вот как. Думает, что я сжалюсь над ней и... что? Просто оставлю у себя, как милую домашнюю зверушку или вообще отпущу на волю? Я ведь говорил ей, что отпустить её не

смогу.

– Думаешь, что девственность делает тебя ценнее?

И не дожидаясь пока, она ответит, подхожу и впиваюсь пальцами в ткань её платья у шеи. Резкий рывок – по кухне эхом разносится звук рвущихся швов. Просто улада для моего слуха. А ещё для глаз, когда вижу её практически без одежды. Склоняю голову, касаюсь губами её ключицы, потом другой. Наслаждаюсь тем, как ощущается её кожа. Нежный шёлк. Цепляю зубами лямку бюстгалтера, веду головой в сторону и выпускаю её, скидывая с плеча. Поднимаю на неё взгляд, затем нахожу пальцами за её спиной крючки. Расстёгиваю первый... Она не шевелится. Затаила дыхание. В шоке. Отлично.

Смещаю пальцы чуть ниже, ко второму крючку.

– Тебе кто-нибудь говорил, какая у тебя шелковистая кожа? – хриплю, скользя губами к ложбинке между грудями.

Оу. Да она упрямится.

– Молчишь? – провожу пальцем по тому месту, где только что были мои губы. – И правильно. Слова здесь лишние. Они только портят... чистоту момента.

“Чистота”. И всё же. Что, если она действительно невинна? Эта мысль пьянит.

Она вдруг ведёт плечом. И сама наклоняется, обхватывает моё лицо руками и яростно впивается в губы.

Вот это сюрприз! От неожиданности я издаю хриплый рык и стискиваю её в своих руках.

Врываюсь в её рот глубже, но она ни капли не уступает. Её язык скользит по моему, переплетается, ускользает. Наш поцелуй остервенелый, безвоздушный. Моментально встаёт на неё колом так, что ствол неприятно упирается в штаны. Прижимаю Зайку к краю стола, наваливаюсь телом, лишая пространства.

Она смещает руки вниз, сжимает пальцами мою футболку. А потом... тянет её вверх.

Равные условия? Она без одежды. И я? Смело.

– Девственница, да? – бросаю с усмешкой и сам стягиваю с себя футболку. – Я почти поверил.

Так и знал: невинность её заявлений и эта дерзкая, почти опытная агрессия в поцелуе и каждом движении. Что-то не сходится.

– Я не врала, – шуршит её голос.

– Ты забыла одну деталь. Маленький фрагмент, – тяну нараспев, наслаждаясь моментом разоблачения. – С той тусовки я забрал тебя прямо из спальни. Напомнить, с кем ты там была? – оскаливаюсь на одну сторону.

Да, Зайка. Облажалась ты.

Я укладываю руку на её талию, плавно скольжу вверх, наклоняюсь для поцелуя и...

Боль. Острая, лишаяющая возможности сделать хоть какой-то минимальный глоток воздуха. Складываюсь пополам, и она тут же отталкивает меня от себя. А всё, что я могу – это концентрироваться на том, чтобы не задохнуться. Да, мать её.

Маленькими, свистящими порциями. Каждый микро вдох – порция осколков стекла внутри.

Она мечется за моей спиной. Слышу её прерывистое дыхание, лязг ручки шкафа, звон посуды. Она действует на дестиллированной панике. И я бы рад сейчас развернуться и утихомирить её, но... тело просто отказывается мне подчиняться и всё, что я могу – это прогонять в голове варианты. Что она схватит? Сковороду? Половник? Нож? Внизу есть отбивной молоток.

Сука, будет смешно, если я дожил до этого дня только для того, чтобы меня выпилила какая-то девчонка. О, я не прав. Не какая-то. А, кажется, самая офигенная из всех, что мне попадались.

Лезвие прижимается к шее. Холодное, неуверенное, потому что её рука дрожит. Но этот вариант – один из худших. Ведь по неосторожности она и правда может совершить глупость и навредить мне. А сделать это легко – ножи у меня только из японской стали.

– Дверь. Быстро открой мне дверь.

Голос у неё... изменился. Сорвался с привычных катушек, стал низким, хриплым. Мне он нравится. Я бы слушал его, правда, при других обстоятельствах.

Медленно выпрямляюсь, насколько позволяет спазм в боку, прошивающий болью. Моя уязвимость стала для неё шансом к свободе. Боль. О, как же я её ненавижу. Она делает тебя практически беспомощным.

Зайка, оказалась очень наблюдательной. Тихо собирала по крупицам обо мне информацию. Где? На паркинге? На балконе? Или ещё раньше? Была ли она вообще без сознания или притворялась?

Она восхитительна!

Боль от ножа – ничто по сравнению с восторгом, который разливается холодным огнём по венам.

– Мне нравится, – говорю тихо, спокойно, почти ласково. – Нравится, как ты борешься. Не за жизнь. Она у тебя и так помойка, это я увидел сразу. За свободу.

Она снова кричит “Дверь!” и “Верни мой телефон”, и её рука дёргается. А вот это плохо – контроль висит на волоске.

Тёплая струйка сползает по коже. Первая капля падает на пол.

Всё. Я себе не враг.

Медленно, чтобы не спровоцировать новый рывок, лезу в карман за её смартфоном. Возвращаю. Потом за своим. Её дыхание прерывается. Очевидно, она ждёт пистолета, газовоо баллончика, ещё чего-то подобного, поэтому напрягается ещё сильнее. Но я на самом деле достаю телефон.

Щёлкаю по экрану. Глухой щелчок электронного замка в прихожей. Путь к свободе открыт.

Она замирает. Я буквально кожей ощущаю, как её мозг, разогнавшийся до невыносимых скоростей, натывается на неожиданную преграду – побег. Он возможен. Прямо сейчас. И это пугает её больше, чем запертая дверь.

– Что дальше, Зайка? Ты ведь понимаешь, что произойдёт в следующие пять секунд? М? – спрашиваю с улыбкой. Нельзя не улыбнуться. Она только что превратилась в главное событие в моей жизни. – Как только ты повернёшься ко мне спиной, чтобы сбежать... – делаю паузу, давая словам впитаться, стать буквально осязаемыми, – Я убью тебя.

Интересно, что выберет моя отчаянная, лживая, прекрасная Зайка? Десять секунд свободы и смерть? Или жизнь... со мной?

14. Фрагмент девятый.

Сортировщик

Я уже знаю, на что надеюсь. Чтобы она выбрала второй вариант. Чтобы не поворачивалась ко мне спиной. Потому что, если она это сделает сейчас – мне придётся её убить. Я ведь уже пообещал. Но мне бы этого не хотелось.

Чувствую, как Зайка медленно наклоняется. И когда её губы практически касаются моего уха, шепчет:

– Я не сдохну.

Вижу, как медленно её тонкие, изящные пальчики ослабляют хватку на рукояти ножа. Сам не понимаю, почему это так завораживает меня. Нож начинает медленно выскользывать, и я уже заранее, будто слышу, с каким звонким лязгом он упадёт на пол. Но... В последнюю секунду она резко сжимает пальцы, дёргает рукой назад. А потом со всей силы бьёт локтем в мой бок – точно и яростно.

Спасибо, милая, что не ножом.

“Теперь моим рёбрам точно пиздец”, – проносится мысль, после чего я с хрипом заваливаюсь на пол. Воздуха снова критически не хватает, но каким-то образом мне удаётся усмехнуться, глядя на то, как сверкают её пятки в сторону прихожей.

Перевожу взгляд на её рваное платье, что валяется рядом

со мной. Вздыхаю.

– Я найду тебя, Зайка.

Несколько секунд. Хлопок двери.

Я бы мог сразу достать телефон и возможно, успел бы обратно закрыть замки. Но не сделал этого. Вопрос: из-за боли, или подсознательно дал ей шанс, сбежать? Не хочу сам себе признаваться, что второе, потому что тогда... Если Зайка решит пойти в полицию... Будет не очень хорошо. И, получается, по моей вине.

Снова усмехаюсь. А потом и вовсе начинаю ржать вперемешку с кашлем.

– И-иу-у! – взвизгиваю, как тупая мандёнка. Тут же затыкаюсь, слушая тишину. И спустя минуту, добавляю: – Вот это... моя девочка. Но лучше бы тебе и правда бежать в полицию. Потому что в противном случае, я найду тебя... Как бы ты ни пряталась.

Шарю рукой, нахожу свой смарт. Экран разбит, измазан моей кровью, но работает. Ну, хоть что-то хорошее. Да. Даже в самом дерьмовом дерьме всегда найдётся блестящий фантик. Надо просто его разглядеть.

Стираю большим пальцем кровь, нахожу контакт Дока и набираю ему. Редкостная и жутко жадная тварь, но руки у него золотые. Да чего уж. Я и не помню, когда последний раз показывался обычному врачу. Док и только он. Наш подпольный лекарь.

Он берёт трубку на третьем гудке. Никаких “слушаю” или

“привет”, сразу давит:

– Ну!

Ответил бы в рифму, да не в том я положении, чтобы выёбываться.

– Док, мне нужна твоя помощь.

Пауза. Слышу на заднем фоне какой-то шорох и бубнёж его медсестры.

– Твоё состояние от одного до десяти? – спрашивает голосом диспетчера горячей линии. – Судя по тому, что ты сам смог набрать мне – пять.

В чём-то он прав. Если бы было восемь, пальцы бы не слушались, а я, скорее всего, бился бы в агонии и выл, как псина. Это я отлично знаю. Девять – я бы еле ворочал языком на затихающих парах. Если бы десять – я бы уже не дышал.

– Шесть, – выдавливаю, стараясь, звучать максимально серьёзно и, чтобы у него не было повода повесить трубку.

– Ты ещё споришь? – кидает с нотками раздражения. – Значит, не всё так херово. Четыре, не больше.

Сука. Долбанутый робот-диагност, который считает любую попытку возразить – признаком живучести. Мне, блять, реально нужна помощь.

– Ещё немного, и меня вырубит, – хриплю, и это недалеко от истины. В глазах уже плывут тёмные пятна. – Семь.

– Так, Костомаров, – произносит мою фамилию на свистящих. – Мне сейчас некогда играть в игру на повышение. Если ты ещё не в курсе, я занимаюсь тем, что прибираю дерьмо

да вами. И твой Кай... дополнительно подкинул мне... одну проблему. Так что, жди до утра.

Типикал Док. Дерьмо. Проблема. Говорит о людях, как об отходах. Возможно, это его профдеформация. А, возможно, он видит мир таким, как и я.

– Я сдохну, – говорю почти без интонации, глядя на платье Зайки. Точнее, на то, что от него осталось.

– Отлично, – звучит в динамике. – Мне меньше забот будет.

Шорох. Сброс звонка.

Медленно убираю руку от уха. Смотрю на треснутый экран, заляпанный кровью. В отражении – моя перекошенная рожа. Бледная. Отвратительно уязвимая. Сука, до жалости.

– Долбаный старый хрен, – шепчу в разбитый экран и опускаю руку с телефоном на пол. – Ты следующий в моём списке трупов.

Картинка перед глазами плывёт. Тошнит. Но выходить из меня нечему. Ну максимум кишки могу выплюнуть. Пытаюсь вдохнуть чуть глубже, чтобы меня реально не вырвало и боль простреливает через всё тело. А потом она отступает, превращаясь в фоновый гул, как шум моря где-то вдалеке. Моя система понимает, что помощь не придёт и отключает ненужные опции. В первую очередь — сознание. Защитная реакция организма, херли.

Последняя связная мысль перед тем, как провалиться в

тёмную, вязкую жижу: “Зайка... ты хотя бы успела схватить свой пуховик и обувь? Задницу ведь отморозишь... и передницу.”

И всё. Створки закрываются.

Просыпаюсь от толчка в спину.

– И тебе с добрым утром, Дорофейка. И тебе... садюга, – бормочу, не открывая глаз. Знаю, что это мой брат и Док. Второго тупо по запаху крови и антисептика чую. Бля, хоть бы душ принял перед выездом к умирающим. Чёртов мясник.

– Говори, где бо-бо? – усмехается Док.

– Рёбра. Слева, – скриплю, пытаюсь отодрать себя от пола.

– Ты с Каем погремушки не поделил? – кивает Док, указывая взглядом на порез на моей шее.

Оп! А про это я забыл. Но... Зайка – это мой секрет, а потому говорю на нейтральном:

– Типа того...

Дор морщится, глядя на меня, и отступает на шаг.

– Охренел? – поднимаю на него глаза. – Руку дай мне.

– Ты чё устроил? – шипит брат. – Отец...

– Он в курсе?

– Блять, “ферма” лишилась нескольких сотрудников за одну ночь. Конечно, он в курсе!

– Сильно орал? – вздыхаю и оборачиваюсь в поисках стакана. Пить хочу.

– Сначала – да, потом сказал, что так даже лучше. Типа ему давно эти “корпораты” не нравились. Лишнее общение... Ну ты понял, – бормочет он, косясь на Дока, который уже крутится около меня.

– Хорошо, – немного расслабляюсь.

– Ты всё равно огребёшь, – говорит, сводя к переносице брови.

– Да с хера ли? – вскидываюсь и тут же стискиваю от боли челюсти. Не стоит мне делать резких движений.

– За грязь, что вы развели. Можно было сделать всё... тише.

– Ну вот и сделали бы сами, – кидаю на психе.

Пусть отец только попробует лишить меня бабла в этом месяце.

– Парень, я, конечно, всё понимаю, у каждого свои увлечения, но... – прикусив нижнюю губу, Док, ведёт взглядом и замирает на остатках платья моей Зайки. – Серьёзно?

– Ага, обожаю наряжаться, – роняю без эмоций.

Дор, тоже приклеился взглядом к вещице, что раздражает ещё больше.

– Хватит пялиться. Шлюху я трахал.

– Сегодня, что ли? – брат слегка в ахере вздёргивает бровь. – А рёбра?

– Анестезия, братик, – подмигиваю ему.

– Псих ненормальный, – фыркает он, поднимает с пола футболку и протягивает мне. – Сам оденешься или помочь?

– Так, Костомаров, – вклинивается Док. – Едем ко мне, посмотрим, что у тебя там. Одно. Два. Или три ребра. Ну и выглядишь... как кусок говна в процессе разложения. В общем, полежишь какое-то время.

– Чек сразу озвучь. Знаю я твоё “полежишь”, – хмыкаю.

– О, тебе он не понравится. Но не советую, перечить строгому дяде доктору, – скалится он, поворачивается к столу и открывает свой чемоданчик. – Джинсы приспусти, поставлю тебе “волшебный” укольчик.

Док совершенно не церемонится. На автомате достаёт какие-то ампулы, набирает в шприц.

– Готов?

Не успеваю ответить, как он резко вгоняет мне иглу. Жгучая струйка холода, тут же разгоняется по крови.

– Ты в курсе, что совершенно не эмпатичный человек? Я тебе не мешок с картошкой, – цежу, сквозь стиснутые зубы.

– Да ну? Именно его ты и напоминал, когда мы с Дорофеем сюда вошли.

– Долго ждать? – бурчу, имея в виду, как быстро подействует обезбол.

– Пару минут и можно будет идти. Должно легче стать, – говорит, беря в руки детский пластырь с медвежатами и ни секунды не раздумывая, шлёпает мне его на задницу. – Готово!

Он труп. Он труп. Он будущий труп.

Медленно подтягиваю джинсы обратно, застёгиваю ши-

ринку, ремень, чувствуя, как Дор прожигает во мне дыру.

– Ну, говори уже, пока не лопнул, – поднимаю на него глаза.

– Кто-нибудь выжил? – спрашивает уклончиво.

– О своей шестёрке беспокоишься? – оскаливаюсь.

– Я о ненужных свидетелях.

Не отвечаю. Смотрю, как Док тихо собирает свои вещи. Аж присмирел. Если бы он мог слиться с интерьером, точно сделал бы это сейчас. Сука, ты что-то скрываешь, да?

А моя Зайка? Была ли она уже в полиции? Думаю, что нет. В противном случае нас всех бы уже вязали.

– Можешь не беспокоиться, – бормочет Док, хватая со стола свой чемоданчик. – Препарат сильный. Но краткосрочный. Час, максимум полтора. Потом всё вернётся. Так что, собирайся и надо ехать, – хлопает меня по здоровому плечу.

Дор смотрит, в ожидании ответа.

– Док... – едва слышно говорю, пристально глядя в его глаза.

Не отвечает. Лишь прикрывает веки и тут же открывает их.

– Всё нормально. Свидетелей нет, – бросаю на ходу.

Брат нервно сжимает в руке телефон, но ничего не говорит. Он что-то знает. Или догадывается. Успел ли тот пацан, что-то ему сообщить? Не исключаю этого. В любом случае за ним надо будет последить.

– Всё нормально, – повторяю, глядя уже на входную дверь,

потом на банкетку – её куртка исчезла, обувь тоже. – Свидетелей нет.

Вообще-то, есть, но вам я её не отдам. Я сам должен найти свою девочку...

– Единственное, Дор, что надо сделать – сегодня посетить все квартиры тех, кто попал под распил, и забрать их вещи.

– Часть имён уже навещают. Но лучше огласи весь список. Называю каждого. Кроме своей Зайки. Да мне и нечего о ней говорить. Кроме того, что она самая идеальная девушка на свете. А ещё... Кажется, я влюбился.

– А, да... У Сомовой Анфисы уже были? – спрашиваю на похеру.

Мне надо добраться до дома Фисы раньше Дора, но в таком состоянии, сам я точно не вывезу.

– Я тебе чё, создатель телепорта? До её городишки часа полтора пилить. Так что она последняя в списке на посещение, – закипает брат.

– Чё ты заистерил сразу как бабёнка, – добавляю в тон стали, зная, как Дорофей это не любит. – Вещи Сомовой – не уничтожать. Привезти мне.

– Захера? – хмурится он.

– Мне надо кое-что проверить.

– Аким... – его голос окрашивается до угрожающего.

– Что, братик? – выдыхаю я, нарочито лениво. – Тебе список показался неполным? Но разве твоя шестёрка не представил его до меня?

Дор замирает. В его глазах мелькает холодная ярость, но при Доке он сдерживается.

– Пацана могли бы и оставить, – говорит с лёгкой досадой.
– Он был надёжным.

– Ключевое – был, – улыбаюсь. – Так что... Он успел дать тебе список?

– Фото он не делал, но сообщил, что был один человек не из наших, – сужает он глаза.

– И снова ключевое – был. Был да сплыл, – успокаиваю его потрёпанную нервную систему. – В общем, привезёшь вещи Сомовой, обсудим, – бросаю уже в дверь и переступаю порог.

Как только расходимся на парковке по машинам и Дор уезжает, Док садится за руль, трогается с места и сразу под шкуру лезет.

– Я правильно понимаю, что ты кого-то утащил с того дома, и именно этот кто-то чуть не перерезал тебе глотку?

– Завались. Твоё дело – синяки лечить, а не совать свой нос, куда не просят, – отворачиваюсь к окну. Пару секунд смотрю на город, а затем открываю мессенджер и пишу Доставщику, что отбуксировал мою тачку.

Я: Слав, прямо сейчас едешь по одному адресочку, что я скину. И желательно так быстро, будто от этого зависит жизнь твоей семьи. Ты ведь меня понимаешь? Понимаешь. Техзадание: забрать все гаджеты Сомовой Анфисы, что найдёшь. Прошерстить документы, всё, что покажет-

ся странным или связано с фермой – забрать. Не наследу там, как слон. Если сделаешь всё идеально – деньгами не обижу. Жильцов в квартире не будет. Но есть риск, что придет человек Куратора, поэтому сильно там не засиживайся.

Следом скидываю ему адрес Фисы.

– Никакого уважения к старшим, – хмыкает Док, набирая скорость. – Допиздишься, поставлю тебе двухлитровую клизму.

Не торопясь, расстёгиваю куртку, достаю из внутреннего кармана пистолет и прижимаю к виску Дока.

– И тогда я тебя грохну.

– Пистолеты детям не игрушка. Наш Ректор крайне дерьмово тебя воспитал. Как-нибудь скажу ему об этом при встрече, – говорит расслабленно.

Только собираюсь отбить что-то колкое, как прилетает уведомление о входящем сообщении. Убираю пушку, переводя всё внимание на экран телефона.

Доставщик: Уже выезжаю.

– У вас с Каем, конкретно бак течёт. Вот что я думаю, – кидает Док, искоса поглядывая на меня. – Причём одномоментно.

Ничего ему не отвечаю. Откидываюсь на спинке сиденья назад, погружаясь в мысли о своей Зайке.

Как её зовут? Уверен, имя красивое. Возраст? Думаю, не более двадцати двух. Учится? Если да, то на каком факуль-

тете? Кем хочет стать моя девочка? Какие у неё увлечения? Кто её друзья?

Вот же дерьмо! Столько вопросов и пока что ни одного ответа. Но это временно. Скоро я всё узнаю.

15. Осколок шестой. Зайка

Полчаса. Может, сорок минут. Кажется, что время замедлилось в несколько раз. Я ношусь по городу, петляя между серых домов, врезаюсь в бетон плечом каждый раз, как только сворачиваю за угол. Дворы. Только дворы. О том, чтобы выйти на центральные улицы – нет и речи. Там я буду как на ладони. Светло, уличные фонари. Нет. Всё, что мне нужно, это как можно быстрее затеряться, уйти как можно дальше.

“Он найдёт. Он догонит. Он убьёт. Меня”, – отбивает в висках, синхронно с выскакивающим из груди сердцем. Каждый лишний звук – его шаг. Каждая тень – его рука.

Ближе к шести утра тело перестаёт слушаться. Ноги, по ощущениям превратились в две чугунные трубы, замороженные в снег. Я стою напротив заправки и не решаюсь зайти. Нужно двигаться дальше. Каждая остановка – это потеря драгоценного времени. Но... Я больше не могу. Делаю шаг. Потом ускоряюсь, дёргаю на себя ручку и буквально влетаю внутрь. Тёплый воздух сейчас кажется просто пыткой. Кожу мгновенно обдаёт жаром и кажется, что если я дотронусь до неё, то она просто слезет с меня пластами.

– Доброе утро, – выдавливаю дежурную улыбку.

Кассир, поднимает на меня сонный взгляд и тоже улыбается.

– Доброе утро! Сколько заправляем и номер колонки?

– Я... Простите, я просто хотела купить кофе.

– Автомат справа, – указывает девушка наманикюренным пальчиком, и тут же теряет ко мне интерес.

Автомат. Кнопки. Оплата.

Оплата?

О нет! Тот ненормальный забрал мою карту! Он найдёт меня! Найдёт!

Дёргаюсь в сторону, глаза мечутся по сторонам. Девушка смотрит на меня с подозрением.

– Вам помочь?

– Н-нет, спасибо, – заставляю себя замереть на месте и успокоиться. Карта мамина, дебетовая, на ней нет никаких особых данных, что помогли бы ему найти меня. Только имя и фамилия мамы. Но у нас разные фамилии. Да и даты рождения там нет. Сколько таких Елен в нашей стране?

Возвращаюсь к автомату, достаю из кармана телефон и оплачиваю по QR-коду. Через пару секунд раздаётся характерное тарахтение и стакан наполняется. По правде говоря, я не хочу кофе. Мне просто необходимо прекратить дрожать.

Беру в руки картонный стаканчик, ищу глазами место, чтобы присесть и как только вижу узкую барную стойку и стулья, сразу направляюсь в ту сторону. Забиваюсь в самый угол. Но занимаю позицию так, чтобы вход был как на ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.